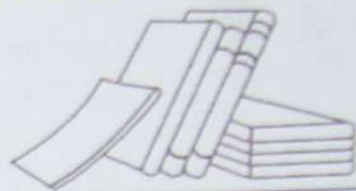
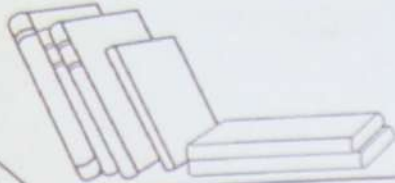

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВЕТЕРАНА**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
Серия 5. Артиллеристы

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

Бойцы вспоминают

Серия 5. Артиллеристы

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Челябинск 2012г

Данная серия книг подготовлена к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. при содействии Челябинского отделения ОАО «Сбербанк России»

Консультант:

Козлов Евгений Николаевич,
участник штурма Берлина,

почетный председатель городского комитета ветеранов войны, военной службы, боевых действий и правоохранительных органов.

Рецензенты:

Белозерцев Анатолий Константинович,
председатель Челябинской областной писательской организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент.

Попов Л.А.

Бойцы вспоминают. Серия 5. Артиллеристы. / Л.А. Попов – Челябинск, 2012.-64с.

На обложке рисунок художника Г. Марченко.
Текст дан в авторской редакции.

Подписано в печать 08.11.2012 г. Формат 30х42/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 4. Тираж 120 экз.
Заказ № 147

Отпечатано в типографии «Сити Принт» (ПБОЮЛ Мякотин И.В.)
454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61А. тел.: (351) 230-34-34; факс: (351) 230-25-26
ИНН 744 700 373 602

Это нашей истории строки

«Артиллерия – Бог Войны»

(И.В. Сталин)

«Сила артиллерии в огне – внезапном, мощном, точном. Артиллерия действует во всех видах и периодах боя, в тесном взаимодействии с танками, пехотой...и другими родами войск, помогая им своим огнем при решении общих боевых задач».

(Бог войны. М., 1979. С.97.)

«В советской армии в великой отечественной войне применялись пушки и гаубицы калибра: пушки от 45 мм., гаубицы до 305 мм... в германской армии – от 37 мм. До 210 мм...».

(СВЭ. Т.1. М., 1990. С.233.)

«Артиллерия была главной огневой силой сухопутных войск как в обороне, так и в наступлении...»

«В наступательных операциях второго и третьего периодов войны...артиллерийская плотность составляла... до 300 единиц на километр фронта...»

(Великая Отечественная война Советского Союза. М.,1967. С.575.)

«Артиллерийское наступление - основная форма применения артиллерии в наступлении операции (бою). Проводилось с целью непрерывной поддержке пехоты и танков... теория А.Н. разработана и практически проверена в ходе в.о. войны. Впервые А.Н. осуществлено в контрнаступлении под Москвой...(в январе 1942), а в полном объеме – в контрнаступлении под Сталинградом...»

(ВЭС М., 1986. С.49.)

«Опыт показал, что самоходные орудия нужны, так как ни один другой вид Артиллерии не дал такого эффекта в непрерывном сопровождении атак пехоты и танков и взаимодействии с ними в ближнем бою...»

(Удар и защита. М., 1974. С.102.)

«Боевая мощь бронетанковых войск значительно повысилась, когда стали поступать в войска самоходные артиллерийские установки: легкие (су-76 на Базе танка т-70), средние су-85, су-100, су-122 на базе танка т-34), тяжелые (ису-122 на базе танка ис-1, су-152 на базе танка кв-1с, ису-152 на базе Танка ис-2.)

(История второй мировой войны. М.,1982. С.246.)

«Большую роль в общем «огневом балансе» сов. Артиллерии стало играть в ходе войны новое оружие – реактивные минометы, легендарные Катюши...»

(Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1967. С. 576.)

«Более 1800 артиллеристам присвоено звание героя советского союза, 1600 тыс. награждены Орденами и медалями, св. 500 арт. частям и соединениям присвоено звание гвардейских».

(СВЭ. Т.1. М., 1976. С.279.)

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Весной 1944 года мы в составе 2-го Украинского фронта вступили на территорию Румынии и с боями по размокшим от дождя и снега дорогам продвигались вперед. Но в предгорьях Карпат путь нам преградил хорошо укрепленный оборонительный рубеж противника, представлявший собой систему мощных дотов, дзотов, ходов сообщения и заблаговременно построенных укреплений на господствующих высотах. После неудачной попытки с ходу преодолеть этот рубеж 15 апреля 1944 года пришел приказ из Ставки Верховного Главнокомандующего о переходе нашей армии к обороне.

Единственным местом, где мы могли тогда оборудовать закрытые позиции для своих пушек-гаубиц, оказались румынские населенные пункты. Мы этим воспользовались, временно эвакуировав население из нескольких сел. Началась обоюдная разведка обороны противника. Мы, артиллеристы, изучали укрепления врага, засекали по вспышкам выстрелов его огневые точки, определяли расстояние до них, наносили на карты их расположение, уточняли передний край. А наше командование в это время готовило новую наступательную операцию, которая позднее вошла в историю Великой Отечественной войны под названием «Яско-Кишиневской». Одним из этапов этой подготовки было уничтожение двух вражеских дотов 7-й батареей, в которой я служил командиром огневого взвода. Наши мощные дальнобойные орудия предназначались для стрельбы на большие расстояния с закрытых позиций. Дот же представлял собой точечную цель, чтобы подавить его, необходимо было выдвинуться на прямую наводку. Днем мы выбрали место для установки двух орудий в 500 метрах от этих дотов, согласовали свои действия с пехотой и ночью, под покровом темноты, начали выдвижение на намеченный рубеж. Чтобы тракторы-тягачи

не обнаружили себя выбросами искр из выхлопных труб, хорошо видимых ночью, выхлопные газы отвели жестяными трубами вниз. Ехали на малых оборотах, чтобы сильно не шуметь. Немцы, что-то заподозрив, начали волноваться, но сделав несколько выстрелов, успокоились.

За ночь нам предстояло вырыть окопы для орудий и орудийных расчетов и хорошо замаскироваться. Все знали цену этих мероприятий, работали дружно, и к утру все было сделано. Наступавший рассвет встречали с тревогой, обнаружит нас противник или нет, ведь мы находились у него почти под носом. Но он нас не замечал. К концу дня, перед наступлением темноты, хорошо наведя орудия, мы внезапно открыли огонь по намеченным целям. Оба дота разнесли в пух и прах, причем в один из них снаряд попал точно в амбразуру. Сделали несколько выстрелов и по третьему доту.

Противник не ожидал такого мощного огня и в клубах пыли и дыма долго не мог понять, что стреляют с такого близкого расстояния. Но разобравшись, открыл бешеный огонь по местам нашего расположения. Мы же все находились в укрытии, и только один боец получил легкое ранение. Вскоре наступила полная темнота, и немцы прекратили огонь. Часа в два ночи мы вывезли орудия обратно на закрытые позиции, полностью выполнив поставленную задачу. А через два дня, 20 августа 1944 года, началась Яско-Кишиневская операция, хорошо подготовленная, она длилась всего девять дней. Но за это время оказались в окружении 22 дивизии гитлеровских войск, взято в плен более 100 тысяч человек. Общее продвижение на запад составило 200–300 километров. Многие бойцы и командиры были награждены орденами и медалями. Мне за уничтожение вражеских дотов вручили медаль «За отвагу»».

Эти письменные воспоминания о войне сделал в канун юбилея Победы Борис Тимофеевич Гололобов, долгое время работавший начальником паросилового цеха ЧМК. Он, как и многие его сверстники, узнал о начале войны сразу после школьного выпускного вечера, не раздумывая, вместе с одноклассниками пошел в военкомат оформляться добровольцем на фронт. Много лет спустя об этом моменте своей жизни он рассказывал так: «Приходим в военкомат, а нам говорят: «Вы же 10 классов окончили, поэтому мы вас в военное училище пошлем». Окончить 10 классов в то время – это все равно, что институт сегодня. Неграмотных-то еще было много.

После окончания 3-го Ленинградского артиллерийского училища, эвакуированного в Кострому, меня направили на формирование в Чебаркуль, так я впервые оказался на Урале. С Урала уходил на фронт вместе с батареей 152-миллиметровых орудий, предназначенных для поражения цели на расстоянии до 22 километров. На фронте же приходилось вести огонь преимущественно с дистанции 3—5 километров, а иногда переходить на прямую наводку. Об убойной силе 43-килограммового снаряда нашей пушки можно судить по такому факту: попадая в танк, он без труда сбивал с него башню.

Тяжелая артиллерия при наступлении всегда двигалась следом за передним краем фронта, и нам приходилось оборудовать свои позиции на еще дымящейся и не остывшей от прошедших боев, покрытой трупами убитых солдат, земле, вкапывая орудия в эту землю. О необходимости сооружения артиллерийского окопа никто не сомневался, потому что окоп увеличивал шанс артиллеристу остаться живым. Пушка тяжелая, восемь тонн весом, устанавливали ее в окоп трактором. Но жизнь учила обходиться проще, подкопашь по очереди одно колесо, потом другое, глядишь, а орудие — уже в окопе.

Частая смена позиций способствовала приобретению навыков походной жизни: быстро строить землянки для жилья, обыкновенное ведро использовать в качестве печки. Бывало, в зимние холода все бросишь, а печку с собой везешь. После войны в Челябинске мне не раз приходилось слышать, что в тылу тоже было трудно. И это действительно так, но в тылу не стреляли и люди спали под крышей, в тепле. Я как-то, дискутируя на эту тему с тыловиком, предложил: «Давай в морозец, градусов под тридцать, выйдем в поле и переночуем там, вот тогда можно будет почувствовать, что такое война».

Когда заходит речь о войне, мне, прежде всего, вспоминается моя батарея, убитые и раненые товарищи и перед глазами вновь возникает бегущий навстречу нам, среди грохота разрывов и порохового дыма, красноармеец, придерживающий руками вываливающиеся из живота кишки и кричащий: «Братцы, помогите!» Такое невозможно забыть. Преодоление невероятных тягот выпало на долю солдат Отечественной. Немцы же, рассчитывавшие прошагать победоносным маршем до Урала, очень скоро поняли, что значит воевать с Россией.

Однажды, при смене позиций, в нашем расположении оказался раненый гитлеровец, – осколком снаряда ему снесло часть грудной клетки, видно было, как поднимается и опускается при дыхании его темно-красное легкое. Он был жив и просил: «Тринкен, тринкен» (пить, пить). Мы стали друг у друга спрашивать, у кого осталась вода. А в это время подошел пехотинец, герой в кавычках, и ни слова не говоря, пристрелил раненого. Я ему тогда выговорил все, что только мог, включая и то, что немцев надо стрелять на передовой, а не здесь. А он в ответ спокойно мне говорит: «Так я же ему помог, от мучений избавил». Не знаю, может быть, он и прав был, война же шла.

Вообще немцы, отступая, своих убитых и раненых не оставляли, правда, когда их отступление носило плановый характер. Когда же они бежали в беспорядке, их убитые валялись на дорогах вместе с нашими. Разница заключалась лишь в том, что своих мы оттащивали с проезжей части дороги на обочину, следовавшие за нами похоронные команды делали все остальное. А немца двигающиеся автомашины и военная техника, бывали случаи, особенно зимой, раскатывали в лепешку.

Во время наступления в Карпатах, установив свою батарею в долине, возле огромного кукурузного поля, мы вели обстрел противника, засевшего в горах. И вдруг поступает команда: «Развернуть орудия на 180 градусов и открыть огонь по врагу, оказавшемуся у нас в тылу». Сложилась непонятная ситуация. Командир одного из орудий пошел в кукурузу по нужде, а там оказались немцы, они прошили его автоматной очередью. Лишь после доклада разведки обстановка прояснилась. Оказывается, немцы, отступая, спускались с гор, переходили долину, засеянную кукурузой, и поднимались на противоположную гору. А поскольку кукуруза вымахала высотой под два с половиной метра, то многие в ней заблудились. После гибели командира орудия мы получили приказ выловить гитлеровцев, очистить поле от противника. Среди нас находился цыган, звали его Рудик, в отличие от многих артиллеристов походная жизнь не доставляла ему неудобства. Он привык с детства кочевать, умываться по утрам росой, хорошо пел и плясал.

Когда мы шли на задание, он отделился от группы, задержал одного немца, разоружил его, поставил на видное место, взял на мушку и приказал кричать по-немецки, зазывая к себе своих соотечественников. Действуя таким образом, он привел на батарею

десятка два пленных, предварительно сняв с них, у кого были, часы, и кричит: «Ребята, кому сапоги надо? Берите, а то я их сейчас в штаб отведу». За пленных ему объявили благодарность, а вот за часы его чуть не обвинили в мародерстве, хорошо, что за него замполит заступился.

На фронте дисциплина была строжайшая, своеобразная, не такая, как в тыловых частях. В боевой обстановке негде и некогда было руку к козырьку прикладывать, каблуками щелкать, разве только когда генерал на батарею приезжал. Но если командир говорил «Сделай» — то ты лопнешь, а сделаешь. Не на чинопочитании, а на человекопочитании с пониманием сложности обстановки основывались взаимоотношения между фронтовиками. Чаще всего с проблемами при выполнении приказа сталкивались связисты из-за несовершенства и малой надежности их техники. Вот один из примеров. При форсировании Днепра наша батарея располагалась по одну сторону реки, а корректировщики огня — по другую. Понятно, что между ними должна быть надежная связь. Это сейчас об этом говорить легко, а тогда: только телефонный кабель протянем — его порвет. Стали пробовать немецкий кабель — он прочнее — тоже рвет. Одновременно пытались установить связь по радио. Рации у нас были большие, неуклюжие, работали плохо. Доходило до смешного: наш радист имел позывной «могила», а на противоположном берегу — позывной «гроб». И вот радист непрерывно посылает в эфир такие сигналы: «Гроб, гроб, я могила, вас вижу, но не слышу». С трудом, но все-таки удалось тогда установить связь, навести огонь своих орудий на позиции противника, переадресовав, тем самым, врагу в прямом смысле и гроб, и могилу.

После войны я окончил Выксинский металлургический техникум и по распределению приехал в Челябинск. Это был второй мой проезд на Урал. Думал, ненадолго, а оказалось — навсегда. Теперь уж отсюда никуда, ведь здесь мои дети и внуки», — закончил свой рассказ Борис Тимофеевич и посмотрел на часы.

Ярко сияло солнце. Ветер, уже прохладный, срывал пожелтевшие листья с деревьев и гнал их по покрытой асфальтом дорожке. Уходило от нас еще одно лето, приближая мир к круглой дате — юбилею великой Победы.

ДЕСЯТЬ СТАЛИНСКИХ УДАРОВ

После разгрома немецко - фашистских войск под Сталинградом, в Курской битве и на Днепре, к концу 1943 года, Красная Армия

освободила в общей сложности от оккупантов две трети оккупированной советской территории и вышла на линию фронта от Мурманска и Ленинграда на севере, до Херсона на юге. Характеризуя обстановку на фронте того периода, Верховный главнокомандующий И.В. Сталин указывал, что «война вступила в ту стадию, при которой дело идет к полному изгнанию оккупантов с советской территории и ликвидации фашистского нового порядка в Европе». В зимнюю кампанию следующего, 1944 года, советские войска трижды громили гитлеровцев: под Ленинградом, в Правобережной Украине и в Крыму, а в летнюю кампанию нанесла еще семь тяжелых поражений врагу, в Карелии, Белоруссии, Западной Украине, Прибалтике, на Балканах, в Венгрии и в Северной Финляндии. То есть враг получил за один год десять сокрушительных ударов, представлявших собой совокупность крупнейших стратегических операций, проведенных Красной Армией по плану и под руководством Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР И.В. Сталина, поэтому они получили наименование «Десять сталинских ударов». Позднее недоброжелатели Иосифа Виссарионовича имя Сталина из наименования вычеркнули, но исторический факт остался.

Касаясь этой темы, участник Великой Отечественной войны полковник в отставке Панов Василий Кузьмич рассказывал, как в 1939 году после окончания десятилетки он поступил в Одесское артиллерийское училище большой мощности. В этом училище курсанты овладевали грозным оружием 203-миллиметровыми гаубицами Б-4м на колесном ходу и Б-4 на гусеничном ходу, идеально приспособленными для перемещения по грязи в осеннюю и весеннюю распутицы и по снегу в зимнее время. Буксируемые трактором типа «Ворошиловец» они могли перемещаться по ровной дороге до 40 километров в час. Предназначались эти орудия для взламывания обороны противника, их стокилограммовые бетонобойные снаряды способные были разрушать оборонные сооружения и долговременные огневые точки противника. До 22 июня 1941 года советская промышленность выпустила 764 гаубицы, еще 105 таких орудий было изготовлено до конца 1941 года. Срок обучения в училище предусматривался два года, причем перед выпуском курсанты проходили стажировку в войсках. «Нас же,- вспоминал Василий Кузьмич,- выпустили лейтенантами без стажировки вместо сентября в мае 1941 года и направили в летние лагеря, раз-

вернувшиеся под Гомелем. А 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на СССР и началась Великая Отечественная война, вот только когда мы поняли, почему нас выпустили из училища досрочно. В те тревожные, довоенные годы Германия явно проявляла свои агрессивные намерения, ее войска захватили почти все страны Европы и сосредотачивались на границе с СССР. Советское правительство всячески стремилось сохранить мир, но чувствуя такое опасное соседство, принимало соответствующие меры. Современные историки дают разные оценки готовности СССР к войне. Но факт остается фактом, немецко-фашистские войска, планировавшие прошагать победным маршем по СССР до Волги и расправиться с Красной Армией до осени, споткнулись под Москвой. И вместо взятия Москвы им пришлось отдать в 1945 году Берлин.

Один из эпизодов этой войны мне навсегда врезался в память, и я никогда не смогу забыть его. Случилось это на железнодорожной станции не далеко от Смоленска. Мы грузили там на одну платформу ствол гаубицы, а на другую - ее лафет. Вдруг над нами появились девять немецких самолетов, шесть из них улетели на восток, а три развернулись и пошли вдоль железной дороги. Я видел, как от самолетов отделились падающие бомбы и больше ничего не помню. Нашего командира батареи Ивана Ивановича Дронова осколок рассек на две части. Другим осколком у лейтенанта Паркина отрубило половину головы. Он носил усы, от половины его усов, которая осталась, определили, что это был Паркин. Было очень страшно смотреть на своих сослуживцев с распоротыми животами и вывалившимся внутренностями наружу. наших людей побил много, а на гаубицах не оказалось ни одной царапины. Я тогда получил контузию и попал в госпиталь. После лечения в госпитале вернулся в свою часть, в подразделение выздоравливающих бойцов и на себе убедился в правдивости утверждений старших товарищей о том, что любая рана когда-то заживает, а контузия живет всегда рядом с тобой, напоминая о себе головными болями.

Время шло, и однажды мне представилась возможность расчитаться с гитлеровцами за смерть моих товарищей. Я тогда уже был командиром батареи. Командир дивизиона сказал мне: «Впереди огневые точки гитлеровцев - одна мелочевка, не для орудий нашего калибра, сходи к пехотинцам, спроси, нет ли у них на примете чего - либо для нас подходящего». Командир пехотинцев от-

ветил мне: «Ничего достойного для вашей батареи мы предложить не можем. Но если подняться вон на ту высоту, то с нее можно заметить, как в трех километрах от линии фронта, в районе деревни Жуковка, часто происходит подозрительное передвижение противника, я посылал на высоту своего наблюдателя, но гитлеровский снайпер убил его». Мы с командиром разведки с оружием наизготовку пошли на эту высоту. И чем выше поднимались по ее крутому склону, по выжженной солнцем траве, тем сильнее чувствовали резкий трупный запах. Увидели на бруствере лежащий вздувшийся труп солдата, а километрах в трех скопление пехоты, много автомашин, полевых кухонь и несколько танков противника. Я доложил об увиденном командиру дивизиона, комдив доложил комбригу. И на следующий день мы с разведчиком вновь пошли на высоту. Под трупом солдата установили стереотрубу, предварительно надев на ее стекла бленды, чтобы избежать солнечных бликов. Я сообщил на батарею координаты, и батарея по нашей наводке стала долбить гитлеровцев. Через окуляр стереотрубы я видел, как от разрыва нашего снаряда немецкий танк перевернулся вверх «брюхом». Через несколько минут все было кончено. Горели вражеские машины, дымилась земля, поле, где только что стояли полевые кухни покрылось трупами. И ни одного живого фашиста не было видно. Так мы внесли наш скромный вклад в один из сталинских ударов. Мне за эту операцию вручили первый орден Красной Звезды. В Прибалтике, не далеко от Риги, точно таким же образом мы уничтожили командный пункт гитлеровцев, располагавшийся в подвале разрушенного здания. За это мне вручили орден Отечественной войны 2-й степени».

Весной 1945 года В.К. Панов участвовал в боях за взятие Кенигсберга. Об этом периоде боев вспоминал другой челябинец Герой Социалистического Труда И.Е. Погорелец: «Во время штурма Кенигсберга мы занимали позиции в 3-х километрах от передовой линии фронта. Такие орудия, как наши 76-миллиметровые пушки, особой роли там не играли. Рядом стояли 203-миллиметровые гаубицы и прямой наводкой вели огонь по фортам крепости. После окончания штурма мы не смогли въехать в город, потому, что он представлял собой сплошные руины и завалы».

Войну В.К. Панов закончил восточнее города Либавы с тремя орденами Красной Звезды и двумя орденами Отечественной войны. Как отличившийся в боях, он был включен в состав участников

Парада Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года. «После победы,- продолжал рассказ В.К. Панов,- нас перебросили в Латвию доколачивать группировку врага на Курляндском полуострове, а потом меня включили в сводный полк Ленинградского фронта для участия в параде Победы в Москве. Всех кандидатов для участия в Параде перебросили в Ригу, где строевую выправку каждого кандидата в отдельности лично просматривал маршал Советского Союза Л.А. Говоров, он же был командующим нашим сводным полком. На параде я шел правофланговым первой шеренги, первой роты и поэтому хорошо видел стоящих на трибуне И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, В.М. Молотова и др. Видел, как из-под Спасской башни выезжал на белом коне командующий парадом Г.К. Жуков. Его конь, вступив на брусчатку Красной площади, поскользнулся и чуть не упал. Жуков вывалился из седла, но одна его нога оставалась в стремях. Подбежавший адъютант помог ему занять место в седле. Шагая по Красной площади мимо до боли знакомых Мавзолея Ильича и зубчатки Кремля, я, как и все участники Парада, испытывал небывалую гордость за принадлежность к Армии-победительнице и Советской социалистической Родине».

После войны Василий Кузьмич окончил Высшую артиллерийскую школу и служил в Советской армии в различных регионах страны. В 1963 году, после увольнения в запас, он с семьей приехал в Челябинск и почти три десятка лет работал заместителем начальника штаба гражданской обороны области. 10 января 2010 года ему исполнилось 90 лет. Несмотря на столь почетный возраст, он по-прежнему выглядел бодро, его строевая выправка просматривалась и на склоне лет. Правда, слух подводит, но это уже беда всех артиллеристов. Его жена Маргарита Павловна недавно ушла из жизни, но у него остается надежная опора сын Константин «Заслуженный турист» кандидат в мастера спорта по водному туризму, покоритель самых быстрых рек Европы и Сибири, и подрастают два внука. Род артиллериста В.К. Панова продолжается.

БИОГРАФИЯ ФРОНТОВИКА

В 1941 году в селе Устиновка Житомирской области не было ни проводного радио, ни электричества. Домашнее задание школь-

ники выполняли при свечах или керосиновых ламах. Образование в то время было бесплатным только до 7 класса включительно. За обучение в 8,9 и 10 классах вносилась плата. В Устиновке десятиклассная школа отсутствовала, поэтому старшеклассникам приходилось ходить в соседнее село за 20 километров. А чтобы легче было шагать, возвращаясь домой после шести уроков, они громко пели задорные комсомольские песни. В Устиновке была дружная комсомольская организация, Под ее руководством работали различные кружки, проводились спортивные соревнования, принимались нормы ГТО, читались интересные лекции и доклады. Один из активных комсомольцев Устиновки Григорий Николаевич Кобыльченко, родившийся 6 мая 1923 года, а позднее ставший Почетным гражданином Metallургического района Челябинска вспоминал:

«18 июня мы окончили школу и провели выпускной бал. А 22 июня прибегают ко мне одноклассник, заядлый радиолобитель, он мастерил детекторные радиоприемники и самым первым в селе узнавал интересные новости. На этот раз, запыхавшись, он сообщил мне, что немцы напали на СССР и началась война. От такого известия все наше село пришло в движение. Начались первые проводы односельчан на фронт с песнями и со слезами. Я же еще, обучаясь в школе, подал заявление в военкомат с просьбой зачислить меня в Киевское Краснознаменное артиллерийское училище имени С.М. Кирова. 1 июля получил из училища вызов. Нас первокурсников переодели в красивую военную форму, выдали сапоги со шпорами, так как вся артиллерия в те годы была на конной тяге. Начались в училище напряженные дни учебы. Одновременно мы курсанты готовились к обороне Киева. Но в сентябре наше училище было эвакуировано в Красноярск. А ровно через месяц напряженный ритм учебы в училище вновь оказался прерванным. Неожиданно прозвучала команда на всеобщее построение. Более тысячи курсантов выстроились на плацу. Перед строем появился комиссар. Он сообщил о том, что столица нашей Родины Москва в опасности. Искомандовал: «Если есть желающие поехать на защиту Москвы, выйти из строя на десять шагов». На мгновение наступившую тишину, разрубил топот более тысячи пар курсантских сапог. Все училище изъявило желание поехать на защиту Москвы.

- Спасибо, сынки! – сказал комиссар,- мы подберем из числа коммунистов и комсомольцев необходимое количество и сообщим вам.

Я попал в первую группу, 80 человек, отправляющуюся в Самарканд, где формировалась 36-я особая стрелковая бригада. А 10 ноября 1941 года из Самарканда наш эшелон ночью прибыл на станцию Химки, разгрузился, и утром мы вступили в первый бой. 5 декабря началось всеобщее контрнаступление советских войск под Москвой. Стояли свирепые морозы, снежные сугробы доходил до пояса. После усиленной артиллерийской подготовки вперед устремились танки, а за ними поднялась пехота. Мы, артиллеристы, снимались со своих позиций и двигались за наступающими войсками. Нашу 122-миллиметровую гаубицу тянули шесть лошадей. Артприслуга располагалась верхом на лошадях или на лафете орудия. Я, как артиллерийский разведчик, ехал немного сзади. И вдруг одна из лошадей, тянувших орудие, наступила на мину. Раздался взрыв. И все лошади, и артиллеристы погибли. Я же чудом не получил ни одной царапины.

Переживать и сокрушаться о случившемся на фронте не было времени. Наступление развивалось, бои становились все ожесточеннее, работы артиллеристам становилось все больше. Продвигаясь вперед, мы освобождали города и села в районе Истры и Волоколамска. Однажды вошли в населенный пункт, который был полностью сожжен и разрушен. Черными головешками торчали из-под снега обуглившиеся останки домов. Ветер гнал снежную поземку, заметая воронки и выравнивая поверхность, где совсем недавно возвышались дома. А на бывшей улице мы увидели восемь виселиц, на них раскачивались повешенные совсем молодые юноши и девушки с прикрепленными на груди планшетами с угрожающей надписью: «Так будет с каждым коммунистом и комсомольцем». Командир приказал снять повешенных. С трудом обрезаем мы обледевшие веревки и снимаем замерзшие, превратившиеся в ледышки трупы. Ненавистью переполнялись к оккупантам наши сердца. В последующих боях мы старались отомстить врагу за его злодеяния точным огнем своих батарей. Наступая, преследуя противника, часто нам приходилось ночевать прямо на снегу. Один раз ближе к полуночи мы увидели одинокий сарай, заполненный сеном. Наконец-то мы отдохнем по-настоящему, забравшись в сено, подумал я. Мы накормили лошадей, оставив стоять их возле сарая, сами расположились на сеновале. А сарай-то, по-видимому, был пристрелян немцами. Их снаряд попал прямо в лошадей. Все лошади погибли, а мы остались невредимыми. Так повезло мне

второй раз. А третий раз меня спасла от смерти лошадь. Я тогда вез донесение в штаб. Доехал до перекрестка дорог. И вдруг лошадь подо мною встала и ни в какую не хочет идти вперед. А на перекрестье дорог неожиданно разорвался снаряд, за ним другой. Я понял, что этот участок дороги обстреливается немецкой артиллерией. Засек интервал между выстрелами и сразу же за разорвавшимся снарядом пустил свою лошадь вскачь, следующий снаряд разорвался уже позади. Донесение я вручил вовремя, а лошадке в знак благодарности отдал всю свою порцию сахара. А вот в следующем эпизоде мне не повезло. Во время боя прервалась телефонная связь. Взяв телефонный кабель в руку, я пошел вдоль него по снегу с целью найти и устранить обрыв. Немецкий снаряд попал в дерево. На миг я увидел яркую вспышку и тут же погрузился в небытие. Очнулся в палатке полевого госпиталя весь в бинтах. Увидел разрезанные вдоль голенища свои валенки и почувствовал страшную боль в ногах.

В начале января меня переправили в эвакогоспиталь, расположенный в Ирбите Свердловской области. Там врачи пояснили, что крупные осколки перебили мне ноги, а микроосколки изуродовали лицо. Я посмотрел на себя в зеркало и ужаснулся, лицо у меня перекосилось, рот не закрывался. Я впал в отчаяние. Думал как же в таком виде дальше жить, что скажут девчата, в моей родной Устиновке. И я решил свести счеты со своей жизнью, отравиться. Но пример других раненых, которые всеми силами боролись за жизнь, и внимательное отношение врачей госпиталя побудили меня отказаться от этого шага. Врачи нас лечили крепко. Мне помогло еще и то, что я не курил. Через три месяца меня выписали из госпиталя и направили в Чебаркульский гарнизон в батарею выздоравливающих бойцов, где мы под наблюдением врача продолжали нести службу по облегченной программе. А время шло, и весна вступала в свои права. Здесь в глубоком тылу я с щемящей тоской по своей малой родине, оказавшейся под пятой врага, наблюдал, как пробуждается природа, из-под снега появляется зеленая трава, поднимаются разноцветные подснежники, раздается пение различных птиц. Воздух соснового бора бодрил, придавал нам все новые силы и мы уже готовились к повторной отправке на фронт. Но гарнизон неожиданно посетил Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Тот самый маршал герой гражданской войны, о котором мы пели очень популярную в те годы песню:

«Мы готовы к бою, товарищ Ворошилов,
мы готовы к бою, Сталин наш отец...»

К.Е. Ворошилов провел совещание с командным составом, присутствовал на занятиях красноармейцев, простецки беседовал с ними. Я видел, как Климентий Ефремович подошел к одному из красноармейцев, старательно окапывавшемуся и маскирующемуся в индивидуальном окопе, и отчитывал его: «Что же ты голову-то спрятал, а задницу выставил наружу? Ты что же сразу хочешь в госпиталь попасть? А это что за батарея выздоравливающих бойцов? – обратился он к командиру, указывая в нашу сторону. – Отправьте их на военный завод, там рабочих рук не хватает».

На другой день я уже был в Челябинске на заводе № 78, в цехе, где изготовляли снаряды для катюш. В цеху что-то постоянно громыхало и стучало. Вентиляция отсутствовала. Дым и смрад, как туман, стелились по цеху. Видимость составляла два-три метра. У меня закружилась голова, и я упал. Вокруг меня сгрудились рабочие. Подошел начальник цеха, спрашивает:

— Кто это и что это?

— Да, это раненый солдат с фронта.

— А кто он по специальности?

— У него десять классов образование.

— Переведите его в плановый отдел,- распорядился начальник и ушел».

В те годы работники с десятиклассным образованием встречались весьма редко, поэтому Г.Н. Корытько оказался в аппарате управления цеха на своем месте. Вскоре его избрали секретарем заводского комитета комсомола. После окончания войны он работал заведующим отделом рабочей молодежи Челябинского ГК ВЛКСМ. А в 1949 году его назначили комсоргом ЦК ВЛКСМ Челябинского металлургического завода. После перехода на партийную, советскую, а потом на хозяйственную работу он занимался укреплением жилищно-коммунального хозяйства металлургов. Во времена массовой застройки Металлургического района жилыми домами Г.Н. Корытько проявил настойчивость и сохранил березовую рощу, на территории района. Эта роща стала впоследствии парком культуры и отдыха металлургов. В его бытность заместителем директора ЧМЗ были ликвидированы последние бараки в районе. Район стал одним из самых зеленых и благоустроенных в

городе, за что Г.Н. Корытько присвоено звание «Заслуженный работник жилищно-коммунального хозяйства РСФСР».

В настоящее время Григорий Николаевич участвует в работе комитета ветеранов войны и военной службы завода и Metallургического района. На встречу к молодежи он приходит в парадном мундире, украшенном орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, медалями, среди которых самой дорогой считает медаль «За оборону Москвы».

КОМАНДИР БМ-31/12

В коллекции ветерана Великой Отечественной войны Василия Григорьевича Колесниченко собрано около двух тысяч значков, посвященных Вооруженным силам Советского Союза и России. Его коллекция экспонировалась во всех военных институтах г. Челябинска. В Городской Думе, в областном Законодательном собрании, в Чебаркульском гарнизоне и в штабе Уральского военного округа в Екатеринбурге, за что командующий округом в 1993 году вручил неутомимому ветерану почетную грамоту и наградил его именными часами. Родился В. Г. Колесниченко 11 сентября 1925 года. Подростком работал кочегаром на хлебозаводе. А когда ему исполнилось 17 лет, в декабре 1942 года его призвали в армию. В чебаркульских лагерях он на «отлично» окончил шестимесячные курсы минометчиков, хорошо подготовившись к предстоящим схваткам с врагом. «Перед отправкой на фронт, — рассказывал В. Г. Колесниченко, — нас сводили в баню, выдали новое обмундирование, включая ботинки с обмотками, и мы простились с родным Уралом. В Харьков наше подразделение вошло, когда город еще горел, вокзал лежал в развалинах, пахло гарью, улицы загромождена разбитая техника. Здесь меня зачислили в стрелковый полк 94-й гвардейской краснознаменной дивизии, и мы двинулись далее на Кировоград. Шли походным маршем более месяца. Шли только ночью. Днем укрывались в лесах, опасаясь налетов авиации противника. Впереди и позади нас двигались к линии фронта, словно мясо в мясорубку, сформированные в тылу такие же, как наша, воинские части. С противником встретились неожиданно ночью на окраине Кировограда. Это были немецкие разведчики. Они забежали в дом. Я встал за кизяк. Вскинул автомат. Нажал на спусковой крючок, а

мой ППШ не работает. Тогда я выхватил гранату и изо всех сил бросил ее в открытую дверь дома. И тут же почувствовал сильный удар в челюсть. Падая, я услышал хлопок разорвавшейся гранаты и стоны, доносившиеся из дома. Приподнявшись, увидел, как три гитлеровца выбежали из дома и скрылись за сараем. Я не сразу понял, что ранен. Чувствую что-то липкое, — лицо и руки в крови. Доложил лейтенанту, что немцы покинули дом и могут появиться здесь. Лейтенант снял с меня автомат и приказал идти в санчасть, указав рукой в сторону деревни. Лечиться мне пришлось долго, в Новосибирске. При выписке из госпиталя майор административной службы спросил меня:

— Мальчик, где тебя так ранило?

— Товарищ майор, да как же это так, при призыве на фронт меня мужичком называли, а теперь вдруг мальчиком стали называть? — ответил я ему.

Майор улыбнулся, похлопал меня по плечу, выдал необходимые документы, и вновь я поехал почти через всю страну на фронт. В Москве меня определили во 2-ю учебную минометную школу, которая сформировалась на месте военного училища имени Красина, эвакуированного в начале войны в г. Миасс. Зачисляли в эту школу только отличников боевой и политической подготовки, уже побывавших в боях солдат и сержантов из числа комсомольцев и коммунистов, так как готовила школа командиров орудий нового для того времени секретного реактивного оружия — катюши.

Мне пришлось воевать на реактивной установке БМ-31/12, имевшей 12 снарядов калибра 310 миллиметров, весом по 82 килограмма каждый. Один такой снаряд, разрываясь, оставлял после себя воронку глубиной 3 и диаметром 7–8 метров. В такой воронке свободно могли разместиться 42 человека, а осколки снаряда разлетались, сохраняя убойную силу, до 250 метров. При осмотре одного из мест, по которому был сделан залп такой установкой по живой силе противника, создавалось впечатление, что кто-то, словно топором, изрубил людей на куски и разбросал в разные стороны. Командиром такого орудия прибыл я на передовую фронта в 1944 году. Прошел через всю Румынию, не сделав ни одного залпа, так как король Румынии Михай, почувствовав, что почва уходит из-под его ног, выступил на стороне сил, сбросивших военно-фашистскую диктатуру Антонеску, и Румыния вышла из войны. За что, как рассказывали нам на политзанятиях, В. И. Сталин наградила короля

Михая советским орденом Победы и подарил ему легкий спортивный самолет. Но Михай не принял народную власть, установившуюся в Румынии, и уехал в США, где продал советский орден за 6 миллионов долларов». Настоящая боевая работа началась для В. Г. Колесниченко в Венгрии, а продолжилась в Австрии и в Германии, где в течение года он получил 5 благодарностей от И. В. Сталина. В одной из них, датированной 24 марта 1945 года, говорилось: «Объявляется благодарность за участие в разгроме танковой группы немцев юго-западнее Будапешта в составе 11-й танковой дивизии и овладение городом Секешфехервар и еще 250 населенными пунктами».

«Город Секешфехервар три раза переходил из рук в руки, — продолжил рассказ В. Г. Колесниченко. — Среди наших войск были большие потери. И тогда мы получили приказ спалить этот город. В 2 часа ночи вся наша бригада № 29, а это 36 машин БМ-31/12, вышла на огневую позицию. Заняли указанные для каждой машины места. Командир подал команду: «Установить отметку по буссоле!» Часы начали отсчитывать секунды. Готовность к стрельбе командиры орудий докладывали, стоя у машин, путем поднятия руки. Звучит команда «Внимание!» Я поднимаюсь в кабину, закрываю дверцу. И — одновременный залп 36 катюш. Я вращаю пульт управления. Раздается рев и грохот. Машина испытывает сильные толчки. На позиции становится светло, как днем. В Секешфехерваре бушует огненный смерч, горит нефтяной завод, горят не только танки, машины, — земля горит. Город был в основном деревянный и в итоге почти весь сгорел».

Последний же залп В. Г. Колесниченко из своей установки произвел в Германии близ города Санкт-Пельтен. Затем продолжил службу в Красной Армии. Отслужив в общей сложности 8 лет и 3 месяца, он вернулся в Челябинск к мирной жизни. Работал на лакокрасочном заводе, на ЧТЗ, в депо Южно-Уральской железной дороги. Стал ударником коммунистического труда. С 1979 года проживал в г. Чебаркуле.

ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ

Евгений Викторович Александров родился в 1917 году в Челябинске. Учился во 2-й железнодорожной школе, во дворе которой в

те годы зимой устраивали каток, поэтому он, как и многие его одноклассники, хорошо бегал на коньках, ходил на лыжах через сосновый бор к реке Миасс и обратно. Летом играл в юношеской футбольной команде «Динамо». Был любимым учеником учителя рисования Н. А. Русакова, бывал у него дома, наблюдал как учитель рисует портреты. Сам отлично рисовал. Все пророчили ему профессию художника. Но однажды с группой челябинских комсомольцев он побывал в Ленинграде, впервые увидел Невский проспект, Зимний дворец, памятник Петру I, воспетый А. С. Пушкиным в поэме «Медный всадник». По Дворцовому мосту перешел Неву и здесь, на стрелке Васильевского острова, восхищаясь величайшим творением русских зодчих, сразу же и навсегда решил стать архитектором. В 1940 году окончил архитектурный институт в Новосибирске. Приехал в Челябинск и вначале работал мастером на строительстве двухэтажных домов в Тракторозаводском районе. В 1941 году началась Великая Отечественная война. Е. В. Александрова призвали в РККА и направили на краткосрочные курсы при военной академии. Окончив их, он продолжил службу в особых войсках. Много лет спустя, вспоминая о том тревожном и героическом времени, он рассказал несколько фрагментов из своей фронтовой биографии, некоторые из них следуют ниже.

Первый залп

Целый месяц мы теоретически познавали новое оружие – гвардейские минометы, получившие впоследствии наименование катюша. Занятия проходили в классах в строжайшей секретности. Сами же катюши мы видели только в зачехленном виде. В середине августа 1942 года в московском парке «Сокольники» закончилось формирование 95-го гвардейского минометного полка, и мы в его составе отбыли на фронт, где планировалось провести практические занятия и учебные стрельбы. Но положение на фронте складывалось так, что после прибытия в район деревни Белый Бор на Псковщине нашему полку сразу же был дан приказ выехать на передний край, занять огневые позиции и дать залп по скоплению противника. Ночью мы выдвинулись к берегу реки и установили свои машины. Следуя инструкции, солдаты экипажа перед залпом отошли на 30 метров. В кабине остались я и шофер. Кругом ни огонька, лишь из-за облаков светился узенький серп луны. Установилась напряженная тишина. Слева и справа просматривались си-

луэты других машин нашего дивизиона. Все ждали команду командира. Конечно волновались, ведь для каждого из нас это был первый залп из новейшего оружия. Я осмотрел свой пульт управления. Все операции ведения огня мы знали наизусть, а вот практически к пультам я соприкасался впервые. Получится ли залп? А если получится, то каким он будет? – не давала покоя мне мысль. Ночь была удивительно теплой, поэтому боковые стекла в кабине мы не закрыли. Под утро поступила команда: «Внимание, а затем, залп!» Я нажал на включатель и, крепко сжав рукоятку реостата, начал вращение его по часовой стрелке от контакта к контакту. Машина вздрогнула, окуталась дымом и поднявшейся с земли пылью, видимость стала нулевой, запахло гарью и мы в кабине стали задыхаться. Продолжая одной рукой вращать реостат, другой рукой я быстрее пытался закрыть боковое стекло. Реактивные снаряды с ревом и визгом покидали установку. Наконец сошел с направляющей последний 48-й снаряд. Солдаты экипажа, укрывавшиеся за деревьями, уже бежали к машине. Привели ее в транспортное состояние. Но только мы отъехали с позиции, как начался плотный артиллерийский и минометный огонь. Немцы засекали квадрат, с которого катюши сделали залп и теперь не жалели снарядов. Шофер был тоже необстрелянным, чутко реагировал на каждый разрыв. Разорвется снаряд слева, он бросает машину вправо, разорвется справа – бросает машину влево. И наконец, провалившись задними колесами в болотную жижу, машина застряла.

Немцы уделяли катюшам особое внимание, стараясь выполнить наставление своего фюрера, во что бы то ни стало поймать электрическую машину русских. Мы же, катюшники, имели строгий приказ, в случае угрозы попадания в плен командир машины должен направить своих на прорыв к своим, привести взрывное устройство, установленное за кабиной водителя в действие, и после уничтожения секретного оружия догонять своих солдат. Если же угроза захвата катюши противником возникала неожиданно, тогда командир должен был подорвать машину немедленно. В нашем случае дело до подрыва не дошло. Солдаты моего экипажа, вооружившись лопатами и ломом, действовали слаженно и вытолкнули машину на твердую почву. Катюша медленно выезжала на дорогу, солдаты бежали за ней следом. Вдруг вижу поперек дороги лежит не то раненый, не то убитый красноармеец. Приказываю положить его на машину. Еще рывок и

мы выехали из зоны обстрела. Убитым оказался старшина. Он, как выяснилось, собрал перед боем заявления от бойцов о вступлении в партию, нес их в политотдел и был сражен осколками.

Блиндаж

Массированному огню вражеской артиллерии и авиации мы подвергались после каждого залпа. Бывало я возвращался в дивизион с пробитой в нескольких местах шинели, с вмятинами на каске. Но без единой царапины.

Под Витебском мы, успешно отстрелявшись, приехали в деревню, от которой только одни печи остались, и заняли позиции, ранее занимаемые пехотой. Я находился в блиндаже, когда неожиданно начался авианалет. Блиндаж был устроен на склоне берега реки. От разрыва тяжелых бомб закачалась земля. И грунт под блиндажом дал осадку вдоль склона. Вначале мне на голову посыпалась земля. Затем перекрытие из бревен в три наката сдвинулось с места и, падая, медленно стало надвигаться на меня. Я оказался в безвыходном положении. От мысли, что сейчас эта глыба земли и бревен раздавит меня в лепешку, у меня перехватило дыхание. Бревна же приближались все ближе и ближе. И когда им до меня оставалось максимум один сантиметр, их движение вдруг прекратилось. Я в полузасыпанном состоянии находился ни живым, ни мертвым.

После налета меня откопали.

– Убитые есть? – первое, что я спросил у бойцов.

– Нет, – последовал ответ.

– А раненые?

– Нет.

– А где старшина?

Стали искать старшину. Увидели – из земли торчат его сапоги. Откопали. Старшина грязный, чумазый, весь в глине, но живой, долго не мог прийти в себя. В итоге мы вновь обошлись без потерь.

Взбесившийся снаряд

Однажды мы с радистом оборудовали наблюдательный пункт на дереве. Впереди, почти у самого горизонта просматривалась линия обороны врага. Наши катюши, занимавшие позиции за лесом, дали по ней залп. Снаряды, словно поблескивающие на

солнце стрелы, кучно летели через наши головы, оставляя за собой на небосводе ровные, как прочерченные по линейке, огненные следы. И вдруг я увидел, что один снаряд отклонился влево, задел рядом летящий снаряд и, будто оттолкнувшись от него, пошел вправо, потом опять влево и, закувыркаясь, стал падать прямо на нас. Не знаю, с какой скоростью мы покинули дерево, пересчитали все сучки, порвали о них свою одежду и, распластавшись на земле, ждали, что сейчас рванет. Снаряд действительно упал рядом в болото, подняв вверх фонтан воды, но не разорвался.

Вот из таких эпизодов складывалась фронтовая жизнь катюшников. Сейчас, когда я оглядываюсь назад, всегда думаю, что хотя я и неверующий, но родился-то наверное под счастливой звездой, т. к. прошел всю войну без единого ранения.

* * *

День Победы Е. В. Александров встретил под Кенигсбергом. Вернулся в Челябинск. Поступил в Челябингражданпроект, где долго работал главным специалистом по архитектуре, одновременно являлся профессором ЮУрГУ. Он один из тех зодчих, трудом и талантом которых создан современный облик Челябинска. По его проектам построены жилые дома, гражданские здания в разных районах города. Он является одним из авторов памятников и монументов: В. И. Ленину на площади Революции, С. М. Цвиллингу, «Сказ об Урале», «Орленок», «Танкистам-добровольцам» и др. Евгений Викторович стал заслуженным архитектором РСФСР, почетным архитектором РФ, почетным гражданином города Челябинска. 4 февраля 2007 года ему исполнилось 90 лет. С этой славной датой поздравили его многочисленные друзья и коллеги, лично позвонил губернатор П. И. Сумин, а затем на приеме творческих работников вручил юбиляру ценный подарок.

В этом же 2007 году Евгения Викторовича не стало.

ФРОНТОВОЕ ВЕЗЕНИЕ

1942 году 1-е Ростовское артиллерийское противотанковое училище прибыло к новому месту дислокации в Нязепетровск Челябинской области и приступило к набору новых курсантов. Под казармы училищу отвели две бывшие церкви. Под их сводами спали будущие артиллеристы на четырехъярусных нарах. Внизу было не-

терпимо холодно, а наверху — дышать нечем, поэтому через каждые десять дней курсанты менялись местами на нарах. Учились ровно шесть месяцев. Сдав экзамены и получив звания младших лейтенантов, выпускники отбыли на фронт. А училище еще раз перебазировалось, на этот раз в Челябинск.

Среди ушедших на фронт выпускников были семь юношей из города Копейска. Шестеро из них погибли. И только один, Николай Петрович Калашников, вернулся домой победителем с орденами Александра Невского, Красного Знамени и тремя — Отечественной войны. В настоящее время он — полковник в отставке, возглавляет комитет ветеранов войны Калининского района Челябинска.

Недавно Николай Петрович с женой Ниной Егоровной принимали самых дорогих гостей — старшего сына Владимира, подполковника, и младшего сына Вячеслава, старшего лейтенанта. В беседе за семейным столом, вспоминая о былых годах, Владимир вдруг спросил:

— Папа, почему ты нам ничего не рассказывал о своем участии в Великой Отечественной войне? Сколько раз тебе приходилось бывать на волоске от смерти?

— Много раз, на войне каждый день подстерегала опасность, — ответил Николай Петрович и, усевшись поудобнее на диване, начал рассказ о событиях, которые в мельчайших подробностях остаются навсегда в памяти человека, пережившего их.

«Свою трудовую деятельность я начал подростком в 1940 году на Копейском оборонном заводе, изготавливавшем снаряды 203-го калибра. В цехах с вредными условиями труда заводчане работали тогда по 4 и 6 часов в сутки. Молодые производственники по вечерам учились в общеобразовательных школах, на технических курсах, посещали спортивные секции и кружки художественной самодеятельности. Во Дворце культуры и в парке всегда было многолюдно и весело, демонстрировались кинофильмы: «Волга-Волга», «Цирк», «Большая жизнь», «Аринка» и другие, постоянно выступали с концертами самодеятельные артисты. Все радовались быстро улучшающейся жизни и каждый год ожидали правительственное сообщение об очередном снижении цен. Но грянула война, и завод перешел на особый режим работы. Теперь здесь изготавливали почти все виды боеприпасов, снаряды и мины разных калибров, авиационные и глубинные бомбы.

Корпуса снарядов, мин и бомб поступали с других заводов. В первом цехе их внутреннюю поверхность шлифовали, полировали, обезжировали спиртом и покрывали лаком. А в это время в заливочном цехе при помощи горячего пара плавил взрывчатое вещество тротил. Шемозаторщики в специальных бачках перемешивали его деревянными веслами до тех пор, пока не получались мелкие кристаллы. После чего тротил заливали в снаряды, давали им сутки отстояться, остыть. И в специальной камере высверливали лишнее, уже затвердевшее, взрывчатое вещество. Затем в мортирном цехе мортирщики устанавливали свинцовые прокладки и завинчивали дно снаряда.

Всюду соблюдалась строжайшая техника безопасности. Рабочие в цехе пребывали в резиновых калошах белого цвета, инструмент использовали только изготовленный из цветных металлов. Пол в цехе, слегка наклонный, всегда поддерживался во влажном состоянии. Делалось все необходимое, чтоб избежать искры. Но несчастные случаи бывали. В 1942 году один из цехов вместе с рабочими взорвался. От него осталась лишь огромная яма. Меня же незадолго до взрыва перевели из этого цеха на работу в службу военной приемки. И тем самым я избежал гибели, впервые почувствовав дыхание смерти.

Люди на заводе работали самоотверженно, понимая, что солдатам на фронте еще труднее. У рабочих, имевших дело с тротилом, волосы становились рыжими, а губы синими. А рабочих, соприкасавшихся с пикриновой кислотой, можно было издали отличить по неестественному цвету лица. Особенно вредной была смесь для бронебойных снарядов. Рядом с участком ее разлива всегда дежурила скорая медицинская помощь. В случае чего — сразу в больницу. Правда, таких снарядов для ВМФ изготавливалось немного.

Несмотря на тяжелые условия работы, в цехах наряду с мужчинами работали женщины. А когда завод получил заказ на изготовление снарядов малого калибра для авиационных пушек, организовали новый цех, в котором работали одни дети 12—14 лет из эвакуированного с запада детского дома. Обувь им сшили из брезента на деревянной подошве. Взрослыми в этом цехе были только мастера.

В 1942 году, когда исполнилось восемнадцать лет, мне вручили повестку в армию и направление в артиллерийское училище. Будучи на фронте, мы к 76-миллиметровым пушкам получали снаряды почему-то только с Копейского завода. С трепетом в душе наблю-

дал я, как открывали ящики со снарядами, надеясь увидеть там какую-нибудь записку от земляков. Но, увы, пересылать, таким образом, письма на заводе не разрешалось.

Второй раз я оказался на грани смерти в первый же день моей службы в должности командира взвода управления. Тогда мы с командиром батареи Комаровым допустили грубую ошибку в выборе наблюдательного пункта, которая едва не стоила нам жизни. Пехота наша в тот день находилась на окраине большого села, километров в 30 от Новозыбково. Здесь же стоял подбитый танк. Сорванная с него башня валялась на земле. Бронированная машина — это то, что нам надо, решили мы и расположились в танке. Развернули приборы. Связисты выкопали под танком окоп и протянули связь. Мы не учли того, что танк, хотя и подбитый, слишком заметная мишень на поле боя. Немцы нас легко засекли и открыли навесной огонь из минометов, стараясь забросить мину вовнутрь танка через проем, образовавшийся на месте сбитой башни. Вначале мы пытались навести огонь своих батарей на огневые точки врага и подавить их, но связь почти сразу же прервалась. И мы сидели в танке, с ужасом поглядывая на клочок голубого неба, видневшегося через проем, откуда вот-вот могла прилететь мина.

Но нам повезло: быстро стало темнеть, немцам не удалось миной попасть в проем. Вечером, покидая танк, мы увидели вокруг столько воронок от мин, что пересчитать их было невозможно. До конца войны помнил я этот случай и старался не допускать подобных просчетов.

Третье неприятное происшествие произошло со мной где-то на подступах к Мозырю и Калинковичам. В тот день по приказу командира батареи мы заняли наблюдательный пункт в первой траншее переднего края. Враг непрерывно обстреливал наши позиции из пулеметов и минометов. Траншеи же вместе с бруствером имели глубину всего 50—60 сантиметров. Копать же глубже не позволяли грунтовые воды. Поэтому в траншею можно было только сидеть или находиться в полулежащем положении. А мороз, хотя и не уральский, заставлял двигаться, вставать на ноги, чтобы согреться.

Днем следующего дня противник вновь начал интенсивный обстрел. Один из снарядов перелетел через наши головы и, едва коснувшись земли, разорвался всего в полуметре на другой стороне траншеи. По-видимому, взрыватель его был поставлен на осколоч-

ное действие, так как в землю он не углубился, и во все стороны разлетелось множество осколков. Но вот что удивительно: ни один из них нас не задел. Зато оглушило так, что из-за появившегося шума в голове я почти ничего не слышал.

В медсанбате, после своеобразного консилиума, врачи приняли решение отправить меня в тыл. А это означало, что возможно навсегда я должен был расстаться со своей батареей, ставшей для меня более чем родным домом. Странные чувства овладели мною. Я, не говоря ни слова, встал и ушел в свою часть. С товарищами на батарее разговаривал с помощью блокнота и карандаша. А когда чуть не попал под машину с катюшей, выходившую на боевую позицию, командир орудия Чесленко взял надо мною «опеку». В его расчете я находился фактически в качестве рядового бойца около месяца.

В середине марта 1944 года мы еще продвинулись немного вперед и захватили село, расположенное на возвышенности, вокруг которой на многие километры простирались болота. Все постройки в селе были разрушены и сожжены. Частично уцелевший дом занял командир пехотной роты со своими службами. А мы устроили себе блиндаж под штабелем бревен, приготовленных кем-то, вероятно, для строительства дома. В нескольких метрах от него выкопали наблюдательную ячейку и установили с ней телефонную связь.

В блиндаже и в проходах к нему в тот роковой момент нашли приют, кроме нас артиллеристов, пехотинцы, связисты, разведчики, укрывающиеся от шальных пуль. Солдаты угощали друг друга махоркой, делились новостями, полученными из дома, лейтенант Фефелин лихо играл на гармошке. И вдруг немцы начали артобстрел. Разведчик доложил по телефону, что видит вражеский бронепоезд. Его тяжелые снаряды пролетали над нами и падали в болото, углублялись в него и там взрывались, вроде бы не причиняя никакого вреда, но земля при этом ходила ходуном.

— Пойдем пугнем его, — сказал командир батареи Комаров.

Мы по траншее прошли в наблюдательную ячейку, настроили приборы, определили место нахождения бронепоезда, подготовили данные для стрельбы, командир снял телефонную трубку, чтоб вызвать огонь батареи на непрошенного гостя, а телефон — молчит. Связи нет. Связист побежал в блиндаж выяснять в чем дело. И тут же вернулся обратно со словами:

— Блиндажа нет, а бревна разбросаны.

— Как нет?

Мы бросились к блиндажу и увидели в земле круглое отверстие от входа снаряда, который под углом, пробив земляную стенку, влетел в блиндаж и там разорвался. Все 15 человек, находившиеся в блиндаже, превратились в мелко порубленное мясо. А те, что находились в проходе, вдобавок оказались еще и спрессованными обрушившимися стенками траншеи. Мы с Комаровым переглянулись. Ведь здесь только сейчас все были живы. Случайность оградила нас от их участи.

25 июня 1944 года в районе Бреста все орудия нашей батареи вели огонь по наступающему противнику. Впереди было открытое поле, по нему пошел вперед навстречу врагу штрафной батальон. В это время меня вызвали к телефону. Телефонист находился в одиночном окопе рядом. Я вылез из траншеи и уже собирался спрыгнуть к телефонисту, как услышал шуршание мины. Что-то удержало меня от дальнейших действий, и я решил вернуться на свое место, но не успел. Раздался взрыв. Мне чем-то сильно обожгло руку. Когда дым и пыль развеялись, я увидел, что мина попала прямо в окоп телефониста. От него остались лишь ноги в сапогах, а все остальное было разорвано на мелкие кусочки.

Меня же осколки, пройдя через земляную бровку и значительно потеряв убойную силу, коснулись лишь слегка. Исполосовали документы в кармане, а осколок, попавший в наружную часть кисти правой руки, не смог ее даже пробить насквозь и торчал из ладони черной железякой.

В госпитале, после того, как удалили осколок и наложили гипсовую повязку, я обнаружил, что все мои документы и письма, лежавшие в кармане, пропали. Среди документов находилась карточка кандидата в члены ВКП(б). Я об этом доложил замполиту госпиталя.

— А ты поищи их во дворе, — посоветовал он мне.

Я вышел во двор, походил по закоулкам и, надо же быть такому, нашел.

Вот из таких маленьких везений складывалась вся моя фронт-вая жизнь. Пройдя через невероятную мясорубку, мне удалось возвратиться домой живым.

На фронте и днем, и ночью я, как и все, постоянно испытывал три жгучих желания: первое — это остаться живым, второе — получить письмо, не важно от кого, но с родины, третье — хоть раз

хорошо выспаться. А когда южнее Берлина в лесу среди ночи нас застала весть об окончании войны, сон как рукой сняло. Все палили вверх из своего оружия, и никто не хотел идти спать.

Утром, сдав, у кого имелось, трофейное оружие и трофейные спиртные напитки, мы построились и пошли на Эльбу купаться.

Уже после победы мне довелось побывать в самом Берлине. С товарищами полазили по этажам рейхстага. С крыши его особенно хорошо были видны масштабы разрушений города. Скульптурная группа коней, стоявшая на карнизе главного здания фашистского рейха, была вся исписана автографами наших солдат. Поставил там и я свою подпись. На память».

АРТРАЗВЕДЧИК

В музее боевой и трудовой славы Челябинской школы № 63 накануне праздника дня Победы царило необычное оживление. Ребята, окружив ветерана Великой Отечественной войны, принимавшего участие в создании школьного музея, Л. И. Мельникова, буквально засыпали его вопросами и просили рассказать, как он стал артиллерийским разведчиком и в чем заключалась его служба в годы войны.

«В 1941 году я работал на Челябинском лакокрасочном заводе, — начал отвечать на поставленные вопросы Леонид Иванович, — пять раз подавал заявление с просьбой призвать добровольцем на фронт, но руководители завода, выполнявшего оборонные заказы, не отпускали. И только в мае 1943 года пришла мне из военкомата повестка. Служба моя началась в чебаркульских лагерях, где я пробыл недолго, дней десять. Приехавший с фронта старший лейтенант вызвал меня на беседу, спросил:

— Желаете служить в артиллерийской разведке?

— Желаю, — ответил я, плохо представляя, что это такое.

И на другой день с очередной командой выехал на фронт, где вскоре узнал, что основная задача артобозводчиков — это наблюдение за передним краем фронта, обнаружение огневых точек противника и передача их координат на батарею. Поэтому моя служба проходила в основном на наблюдательных пунктах, которые мы устраивали на возвышенных местах, на чердаках зданий и на деревьях. Как-то окончив наблюдение, я слез с березы и чувствую,

что с моей шапкой-ушанкой какой-то непорядок. Осмотрел шапку и обнаружил в ней застрявшую пулю.

— Ну, ты в рубашке родился, — говорили мне тогда сослуживцы. Такие сюрпризы на фронте подстерегали солдата на каждом шагу. Однажды близ города Рогачев мы расположили наблюдательный пункт в землянке на берегу Днепра. А у противника-то тоже имелись свои артрязведчики, они засекли наши позиции и навели на них огонь своих батарей, в том числе какого-то крупнокалиберного орудия. Один из снарядов разорвался прямо перед нашей землянкой. Меня отбросило в сторону, засыпало землей. Получив контузию, я не сразу пришел в себя. В голове что-то шумело. Приподнявшись, увидел свою стереотрубу, валяющуюся в глинистой жиже. Зазвонил телефон. Снял трубку. Услышал голос командира. «Откуда бьют? — кричал он, — немедленно сообщите координаты!». А дело это происходило вечером. Уже стало темнеть. Вспышка очередного выстрела вражеского орудия была хорошо видна. Я засек ее координаты и передал командиру. Минут через десять ударила наша артиллерия. Позиция противника покрылась дымом и пылью. Более ни одного выстрела с вражеской стороны не последовало. За этот эпизод боя командир вручил мне медаль «За отвагу». Когда мы вскоре пошли вперед, то решили посмотреть, что это было у немцев за орудие и оценить результаты своей работы. Орудие это оказалось типа гаубицы калибра миллиметров 200, не меньше. Оно было все раскорезено: ствол в одной стороне, лафет — в другой, колеса — в третьей. Вероятно, в него было прямое попадание.

Артиллерия — это сложный род войск, — продолжал Л. И. Мельников, — артиллеристы кроме огневой подготовки должны знать математику, географию, обладать хорошими физическими данными, находчивостью и иметь зоркий глаз. Во время наступления на Кенигсберг наш дивизион двигался вдоль Балтийского моря. Населенные пункты там небольшие, дома в них тоже невеликие, почти все крытые черепицей. Мы выбрали самое высокое трехэтажное здание, на его чердаке установили свои приборы, телефонную связь и начали наблюдение, но долго не могли определить, откуда немец ведет прицельный огонь и сильно тревожит нашу пехоту. Наконец, внимательно рассматривая через стереотрубу хозяйственные строения, я увидел ствол пушки, направленный из-под сарая, словно из-под земли. Доложил об этом командиру

взвода. Когда сарай обработала наша батарея, выяснилось, что там был вкопанный в землю немецкий танк, который сгорел вместе с сараем. За что я был представлен к награждению орденом Красной Звезды».

Зазвенел звонок, известивший о том, что время, отведенное школьникам для музея, закончилось. Ребята покидали музей с неохотой, но с уверенностью, что Леонид Иванович еще не раз придет к ним на встречу.

РАССКАЗ АРТИЛЛЕРИСТА

Дмитрий Петрович Кандеров родился 17 ноября 1925 года в казачьем поселке Кочердык. В 1942 году работал на ЧТЗ. В 1943 году добровольцем ушел на фронт. Обрато вернулся с орденом Отечественной войны и с двумя орденами Красной Звезды. Теперь при встречах с молодежью, отвечая на вопросы ребят, он стремится познакомить их с героикой прожитых лет, с позиции солдата рассказать об отдельных мгновениях войны, названной Великой Отечественной. Один из таких его рассказов приводится ниже.

«Моя пушка модели ЗИС-2 предназначалась главным образом для истребления вражеских танков, имела калибр 57 миллиметров, весила 1150 килограммов, при стрельбе подпрыгивала, а ствол ее откатывался назад. И здесь мне, как наводчику, нужно было быть особенно внимательным, так как окуляр прицела хотя и имел резиновый ободок, но, если вовремя не среагировать, мог так сильно ударить, что не миновать синяка под глазом. Расчет орудия составлял семь человек: командир, наводчик, замковый, заряжающий, подносчик снарядов и правильные. Все мы к своей пушке относились бережно, как к боевой подруге, как к человеку и даже больше: ухаживали, чистили, смазывали ее, ведь от того, как пушка вела себя в бою, зависели наши успехи, неудачи и даже жизнь. Однажды разведчики обнаружили выходящую из селения колонну вражеских солдат с артиллерией, автомашинами и повозками. Выкатив свою пушку на позицию мы открыли огонь. Как учили нас командиры, вначале ударили по головной части колонны, затем перенесли огонь в хвост колонны, а уж потом стали громить ее середину. Наша пушка работала, как часы, подносчик едва успевал подавать снаряды. Среди гитлеровцев началась паника. Снаряды

ложились точно в цель, разрывались, поднимая в воздух клочья и щепки того, что только именовалось колонной. Над землей образовалось облако пыли и дыма. Через прицел своей пушки я видел, как фрагмент не то мотоцикла, не то повозки, высоко подброшенный взрывной волной, переворачиваясь в воздухе, полетел в сторону селения и рухнул на его окраине. Разгром был полный. Чувство небывалого торжества победы овладело мною. Я не удержался, выскочил вперед своего орудия, чтобы не через прицел, а воочию увидеть всю панораму боя, перевернутые набок вражеские пушки, горящие автомашины и разбегающихся во все стороны гитлеровцев.

На другой день наша батарея продвинулась на несколько километров вперед и заняла новые позиции на выходе из небольшого польского села. Мы не успели по-настоящему осмотреться, как прибежал посыльный и доложил, что у нас в тылу, с той стороны, откуда мы только что прибыли, к селению движется колонна немцев. Командир батареи приказал всем орудийным расчетам со стрелковым оружием сосредоточиться за двумя жилыми домами на окраине села и приготовиться к рукопашному бою.

Немцы, человек пятьдесят, шли по полю двумя цепочками и гнали впереди себя двух коров, прикрываясь ими на случай встречи с заминированными участками. Когда они поравнялись с домом, за которыми мы их поджидали, командир подал команду, и, словно гром среди ясного неба, раздался сплошной треск автоматных очередей. Ведя огонь на ходу, мы бросились на противника. Я стрелял до тех пор, пока были в диске патроны. Сразил одного гитлеровца – он упал, прошил очередью второго, гляжу, а первый поднимается с земли. Все произошло молниеносно и совершенно неожиданно для гитлеровцев. Они успели ответить лишь двумя-тремя выстрелами, как были все уничтожены, за исключением двоих, которых мы взяли в плен и привели на батарею. Потом выяснилось, что наша батарея слишком далеко выдвинулась за линию фронта и получилось так, что позади нас, слева и справа, оставались немецкие части. Но инициатива тогда уже принадлежала Красной Армии. Советские войска вели наступление по всему фронту. И вскоре рубежи нашей обороны выровнялись.

В феврале 1945 года мы ворвались в польский город Дзедицы и половину его кварталов очистили от оккупантов, другая половина находилась в руках противника. На улицах развернулись ожесто-

ченные бои. Стоял страшный грохот, треск, смрад, и казалось, что земля качается под ногами. Наше орудие стояло посередине мостовой. «Это же “тигр”», — услышал я голос командира и метрах в двухстах увидел, как между домами мелькает башня танка с белым крестом. А за каждый подбитый немецкий танк командиру и наводчику полагались премиальные по 500 рублей и по 250 рублей — остальным артиллеристам расчета. Это правило в завершающем году войны соблюдалось твердо, деньги перечислялись на личные счета артиллеристов без задержек. Положив правую руку на рычаг спуска, я ждал, когда танк появится из-за угла дома, рассчитывая тут же вмазать ему бронебойным. И уже увидел передний срез танка, но вдруг раздался оглушительный взрыв, и неведомая сила бросила нас на землю. Это вражеский снаряд попал в стену кирпичного здания на высоте примерно два метра. Я почувствовал сильный удар в затылок и резкую боль ниже левого колена, шапку сзади всю разворотило, а из-под левого глаза по лицу текла кровь. Ко мне подбежал санинструктор и стал перевязывать глаз. «Яшка, у меня же голова!» — кричу ему. А в это время второе орудие, стоявшее во дворе дома, расправлялось с немецким танком. Закончив перевязку, санинструктор сказал мне: «Иди прямо по дороге, через полтора километра увидишь справа нашу санчасть, там тебя встретят и отправят в госпиталь. А автомат свой отдай мне, у тебя его в госпитале все равно отберут, возьми мой карабин, сдай его там».

И вот, весь в бинтах, преодолевая боль, осторожно ступая на раненую ногу, иду я в указанном направлении мимо сгоревших домов, разбитых машин и мучительно размышляю: с одной стороны, необходимо идти в госпиталь, но с другой... Ведь я же тогда отобьюсь от своих, после госпиталя меня наверняка отправят в какую-нибудь другую часть. Прошел полтора километра, два — нигде никакой санчасти нет. Стало быстро темнеть. Подошел к двухэтажному дому — в нем располагались солдаты-пехотинцы. Они встретили меня подружески. Их санинструктор сделал мне перевязку, кто-то сбегал на кухню, досыта накормили меня, но что-либо сказать о санчасти артполка никто ничего не мог. Я решил заночевать у пехотинцев. Разместился возле стены на соломе. Раны мои постепенно переставали ныть. Засыпая, я думал о своей батарее, о нашем дружном артиллерийском расчете и о нашей пушке с вмятинами от осколков на щите и на левой станине. Утром посчи-

тав, что боль в затылке меня тревожит не особенно, на ногах рана тоже незначительная, глаз перевязан левый, а не правый, так что стрелять можно, я попрощался с пехотинцами и, опираясь на палку, пошел обратно в свою часть. Долечивался на батарее среди своих, на ходу.

Продолжая наступление, наш полк взял железнодорожную станцию Струмень. Мы закрепились у насыпи. Пушку свою установили во дворе усадьбы. Подпилили немного штакетник, чтобы не мешал стрельбе. Замаскировали пушку так, что издали ее было трудно обнаружить. Утром немцы пошли в контрнаступление, впереди танки, за ними пехота. Передний танк, не замечая наше орудие, двигался медленно, сделав поворот, начали объезжать какое-то препятствие. Я поймал его в перекрестье прицела, взял чуть ниже башни в борт, где броня танка более уязвимая, и нажал на рычаг спуска. От выстрела зазвенело в ушах. Танк остановился, задымил и загорелся. И почти сразу немцы обрушились на наше орудие шквалом огня. Они короткими перебежками, стреляя на ходу, подходили все ближе и ближе.

— Митька, давай картечью! — услышал я команду командира, а сам он подобрал снайперскую винтовку и открыл из нее огонь по наступающему врагу. Заряжающий подавал один за другим снаряды. Пушка исправно посылала их по назначению. Во второй половине дня, вероятно, получив подкрепление, противник усилил натиск. «Всем отступить за насыпь!» — поступил приказ командира батареи. Наш «додж», чтобы взять пушку на прицеп, выкатил на мостовую. Замковый Николай Безрядин вскочил на крыло «доджа» и тут же был развален на две половины болванкой, выпущенной немецким танком. Эта же болванка угодила в кабину, разорвала водителя на части, выбросив его останки на капот, и разбила двигатель автомашины. Нам пришлось оставить свою пушку в полной исправности и отойти за насыпь. Все мы чувствовали тогда превеликую вину перед «боевой подругой», по-существу, сдав ее противнику. К вечеру, после того как сгустились сумерки и смолк шум боя, выяснилось, что из 24 орудий исправными в полку остались только два, а третье исправным было наше. Когда среди ночи командир батареи отдал приказ нашему расчету, во что бы то ни стало прикатить пушку за насыпь вручную, я искренне обрадовался. Где ползком, где пригнувшись, двинулись мы на выручку своей пушке. Она, как и прежде, стояла на огневой

позиции. Мы подошли к ней, попытались свести станины, а они не сводятся. Я крутанул маховичок, и тут же прогремел взрыв. Оказывается, здесь уже побывали немцы и заминировали пушку. Двое из нашей группы получили ранения. Теперь орудие с поврежденной казенной частью тащить на свою территорию не было смысла. Захватив раненых, мы двинулись в обратный путь. Наша пушка, освещенная лунным светом, как смертельно раненый боец, оставалась на поле боя, понуро склонив ствол к земле, словно кланялась нам на прощанье».

Вскоре 426-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, в котором служил сержант Д. П. Кандеров, получил новую технику и вновь продолжил наступление на запад. День Победы Дмитрий Петрович встретил в Чехословакии. В Челябинск возвратился в 1952 году. Работал на ЧТЗ фрезеровщиком. Окончил машиностроительный техникум, институт усовершенствования руководящих работников. На пенсию ушел с должности начальника участка ремонтно-механического цеха, и долго возглавлял Челябинский городской совет ветеранов ракетных войск и артиллерии, объединяющий в своих рядах 860 человек, а это почти целый полк.

ОСОБЫЕ ВОЙСКА

«До войны я работал на строительстве аэродрома в г. Молотове, поэтому, когда началась война, меня не сразу призвали в армию, а только в августе 1942 года вручили повестку, многозначительно сообщив, что служить придется в особо важной воинской части. Набор в эту часть был строгим, зачисляли в нее только комсомольцев и членов партии определенного роста, образования и здоровья. Мы — призывники — терялись в догадках, что это за особо важная часть. И только в Москве при прохождении курса молодого бойца узнали, что осваивать нам предстоит новое секретное оружие — ракетные установки М-30 и М-31. По-существу, это были те же катюши со снарядами большого калибра. Но пусковые установки монтировались не на шасси автомобилей, а отдельными узлами доставлялись на позиции, где собирались и вели огонь с земли. Каждый ракетный снаряд весил более ста килограммов и поступал на батарею в упакованном виде в деревянном ящике.

Четыре человека подвешивали ящик на пусковую установку, освобождали снаряд от креплений, и во время залпа снаряд, скользя по металлическим направляющим, расположенным внутри ящика, улетал по назначению. Если крепление по какой-либо причине оказывалось не снятым, то снаряд покидал установку вместе с ящиком. Предназначалось это оружие для взламывания долговременных укреплений, уничтожения скопления техники и живой силы противника. О мощности снаряда М-30 можно было судить по такому факту. Если снаряд разрывался даже поблизости от танка, то танк все равно выходил из строя. В нашей батарее было 24 такие установки, по 4 снаряда на каждой. В мои обязанности младшего электротехника входили прокладка кабеля и присоединение его к контактам снарядов. Перед залпом все уходило в укрытие, и 96 снарядов одновременно накрывали квадрат противника.

В декабре, закончив учебу, мы выехали на Ленинградский фронт. Мне запомнилась Ладога: огромное заснеженное ледяное пространство, безоблачное голубое небо, зимнее солнце и дорога, уходящая по льду озера в осажденный Ленинград, уже тогда называемой «дорогой жизни». Было тихо. Кругом — никаких признаков жизни. Но по необъяснимым причинам все мы почувствовали себя уже на фронте. Здесь я впервые стал свидетелем мудрости и военного опыта наших командиров. Они подали команду: «На лед не заезжать, рассредоточиться справа и слева и замаскироваться!» И только когда началась пурга, пошел густой липкий снег, видимость стала почти нулевой, наша колонна вышла на «дорогу жизни» и без потерь прибыла в Ленинград. В Ленинграде с 12 по 18 января мы по полной программе отработали при прорыве блокады, пробивая коридор в обороне противника шириною 12 и глубиною 18 километров, навстречу продвигавшемуся Волховскому фронту.

А потом нас перебросили к Пулковским высотам», — на этом Ибрагим Садыкович Сабилов — кавалер орденов Отечественной войны, Красной Звезды и медали «За оборону Ленинграда», — взглянув на часы, закончил свой рассказ.

В 1944 году после тяжелого ранения он вернулся на Урал. Учился в экономическом техникуме. Работал на различных должностях в Челябинске. После выхода на пенсию фронтовики избрали его председателем секции ветеранов артиллерии и ракетных войск Центрального районного совета ветеранов г. Челябинска. К своему общественному поручению он относится с большой

ответственностью, считая ветеранскую работу продолжением службы в особо важных войсках. Ведь так называемые реформы унизили пожилых людей, отобрали у них не только сбережения, накопленные на старость, но и лишили уверенности в будущее. «Поэтому мы — ветераны, — говорит И. С. Сабиров, — стараемся помогать, поддерживать друг друга и, как на фронте, продолжаем верить, что все равно победа восторжествует»

ФРОНТОВИКИ ВЕРНЫ ГЛАВКОМУ

20 ноября 2004 года участники Великой Отечественной войны — артиллеристы города Челябинска, провели торжественное собрание, посвященное 60-летию со дня начала празднования в СССР Дня артиллерии. В зале, где собрались прошедшие через огонь войны седые бомбардиры и их юные друзья-школьники, был установлен большой портрет И. В. Сталина, возле него — ваза с живыми цветами. Через каждые 10 минут сменялся почетный караул юношей и девушек старшеклассников. Вскоре появился телеоператор с камерой в руках, начав телесъемку, он старался не замечать портрета генералиссимуса, под чьим руководством была одержана великая Победа, и все время пренебрежительно располагался к портрету спиной. Что-то чужое, отталкивающее просматривалось в его действиях. «Да, в наши дни официальная пропаганда не жалуется И. В. Сталина, — указывая на оператора, заметил старший лейтенант в отставке Макаров Николай Афанасьевич с палочкой в руках и множеством наград на лацканах пиджака. Достав из кармана брошюру под названием «Сталин и современность», он многозначительно сказал: — А мы, фронтовики, хорошо знаем цену своему Главнокомандующему. Конечно, были промахи и у Сталина, но он сумел сделать главное — сплотить вокруг себя всех советских людей, которые безгранично верили ему, возлагали на него свои надежды, с именем Сталина поднимались в атаку на фронте, а в тылу совершали беспримерные трудовые подвиги. Послушайте, какую оценку И. В. Сталину дал бывший премьер-министр Англии Черчилль, выступая в своем парламенте 21 декабря 1959 года, — Н. А. Макаров раскрыл брошюру и стал читать выдержки из этого выступления: «Большим счастьем для России было то, — считал Черчилль, — что в годы тяжелых испытаний Россию возглавлял

гений и непоколебимый полководец И. В. Сталин... Он был человеком необыкновенной энергии, эрудиции, негибаемой силы воли, резкий, жесткий, беспощадный как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить... Он принял Россию с сохой, а оставил с атомным оружием. Сравните эту оценку, данную английским премьер-министром, — продолжал Н. А. Макаров, — с теми образами И. В. Сталина, которые преподносятся сейчас телесериалами типа «Дети Арбата». Что это? Незнание истории? Или умышленное стремление внести неразбериху в умы наших людей, сделать нас Иванами, непомнящими своего родства, и не допустить возрождения патриотических чувств в России до того уровня, каким он был при И. В. Сталине? Вот это нас, ветеранов, очень тревожит».

После собрания председатель городского совета ветеранов Ракетных войск и артиллерии В. И. Калинин пригласил всех присутствующих пройти в банкетный зал, где я с Н. А. Макаровым вновь оказался за одним столом. Про себя в непринужденной обстановке он рассказал, что родился 12 августа 1922 года в Ставропольском крае, работал в колхозе «Путь к социализму», окончил 7 классов и Орджоникидзевское пехотное училище. Боевое крещение принял под Ржевом, здесь же был первый раз ранен. «Когда разорвалась мина, я вначале ничего не почувствовал, — вспоминал он, — а потом смотрю — рукав изорван, кровь течет, лишь спустя некоторое время появилась жгучая боль. После лечения в госпитале меня определили в запасной полк, а затем в полковую артиллерию. Туда зачисляли необязательно артиллеристов, так как пушки были несложные, калибр их составлял 45 миллиметров. Мы со своими сорокопятками двигались всегда вместе с пехотой, поддерживали ее огнем.

Однажды в Восточной Пруссии майор Волков — здоровенный дядька — разбудил меня на рассвете и говорит:

— Вон видишь отдельно стоящий домик?

— Вижу, — ответил я.

— На его чердаке засел вражеский снайпер. Пехота жалуется, что он покоя не дает. Надо чтобы он больше никого не тревожил.

Рассматривая цель в бинокль, я обратил внимание, что на черепичной крыше этого домика имеется единственное слуховое окно. «Если есть там снайпер, он непременно находится вблизи этого окна», — предположил я. Орудийный расчет будить не стал.

Сам зарядил пушку осколочным снарядом, предварительно отвинтил с боеголовки колпачок, поставив взрыватель в положение, когда снаряд взрывается, встретив перед собой самое незначительное препятствие, например веточку от дерева. Тщательно навел перекрестие прицела под слуховое окно и нажал спуск. От домика полетели в разные стороны щепки, и крыша его обрушилась. Больше от пехотинцев жалоб на снайпера не поступало. Все это происходило в районе Кенигсберга. Сражение за него началось в январе 1945 года, а в начале апреля вступило в завершающую фазу. Мы в это время двигались в обход осажденной крепости. Снега уже не было, дороги просохли, солнце светило по-весеннему. Нам нужно было пересечь шоссе, но по нему двигалась длинная колонна, тысяч десять, не менее, пленных немцев. Пленные шли, построившись по батальонно. Впереди каждого подразделения шагал их командир. Конвоировали колонну наши автоматчики. И вдруг словно разверглись небеса. Огненный смерч со страшным треском, скрежетом и воем понесся через головы пленных. Это находившийся поблизости дивизион «катюш» дал залп по Кенигсбергу. Все пленные мгновенно попадали, распластавшись на дороге. Слышны были их испуганные крики: «Катюш, катюш!»

«Вот так, господа фрицы, кланяйтесь нашему советскому оружию» — подумал тогда каждый из нас».

После войны Н.А.Макаров демобилизовался, приехал в Челябинск, работал электросварщиком-монтажником, потом возглавил бригаду верхолазов «Уралстальконструкции». Участвовал в строительстве 3, 4, 5-й доменных печей, кислородно-конвертерного и прокатных цехов Челябинского металлургического завода. Сейчас, спустя много лет, он с гордостью вспоминает о своем рабочем коллективе, своих первых руководителей: В. Т. Кирьянова, И. К. Голайду, М. П. Скоробогатого, молодых прорабов, комсомольских активистов, Володю Черкасова и Яшу Иоффе. А времена всесоюзных ударных комсомольских строек на ЧМЗ, когда слова «рабочий человек» действительно звучали гордо, он называет самыми прекрасными и целеустремленными в своей жизни.

Профессия монтажника металлоконструкций — серьезная профессия. Не случайно в годы войны маршал Г. К. Жуков приравнивал строителей к солдатам на фронте. В 1972 году при сооружении нового цеха на Электродном заводе Н. А. Захаров получил тяжелую травму. Семь лет боролся за жизнь. Стал инвалидом, но не

упал духом. Оставался активным членом КПСС. В меру своих сил работал. Занимался садоводством. Распад Советского Союза и то, что произошло после этого с Россией, он воспринял как личную трагедию.

«Когда я узнаю, что бывшие строители и монтажники, создавшие своим трудом заводы и жилые районы в городе, теперь, став пенсионерами, потеряли возможность получать даже нормальное лечение, выкупать элементарные лекарства или когда вижу их, роющимися в мусорных ящиках, я плачу, — признался Н. А.Макаров. — И думаю, что мы смогли бы вернуть утраченное, если, как прежде, сплотились, вокруг КПРФ и единым фронтом пошли на выборы. Поэтому я и принес сегодня на собрание портрет И. В. Сталина, чтобы еще раз напомнить о великом прошлом нашей Родины и об ответственности каждого из нас за будущее своего Отечества».

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

Борис Владимирович Кудрявцев еще в далеком детстве, будучи пионером, с увлечением занимался в школьном фотокружке и имел в нем определенные успехи. После окончания 7-го класса ему самому предложили возглавить фотокружок в пионерлагере. Три смены подряд учил он ребят фотоделу. А по окончании пионерского лета на выданную за руководство кружком первую в жизни зарплату купил себе швейцарские часы, маме — платок, а старшей сестре – готовальню. Он, наверное, был бы знаменитым фотокорреспондентом, если бы не началась война. Его призвали в армию, а на фронте, как известно, не до фотоаппаратов. Он служил в артиллерийской разведке, где научился мгновенно наносить обнаруженные огневые точки противника на карту, предопределяя огонь по ним своих батарей. А когда полвека спустя в Челябинске на одном из уроков мужества школьники попросили его рассказать о каком-нибудь необычном эпизоде из фронтовой жизни, оказалось, что Б. В. Кудрявцев помнит мельчайшие подробности событий давних лет и с фотографической точностью доводит их до слушателей.

«21 июня 1944 года, — рассказывал ребятам Б. В.Кудрявцев, — перед началом форсирования реки Свирь в Карелии меня вызвал к себе командир батареи и приказал занять место на наблюдательном

пункте, засекают огневые точки противника, наносят на карту и передавать их координаты на батарею. Наш берег реки был высоким, обрывистым, противоположный берег – пологим. Я через стереотрубу внимательно разглядывал на нем каждый кустик, каждый бугорок, но враг, хорошо замаскировавшись, ничем себя не проявлял, и обнаружить его было невозможно. И вдруг от нашего берега одновременно отошли 12 лодок. Мы уже знали, что в каждой лодке находился только один солдат-гребец, а с ним одиннадцать манекенов, разряженных под солдат как положено: в касках, с оружием. Наблюдая со стороны, создавалось впечатление, что на другой берег десантируется солидное подразделение. Финны и немцы открыли огонь из пулеметов и автоматов, но солдаты в лодках сидели не шелохнувшись. Фашисты усилили огонь. Солдаты же в лодке по-прежнему сидели спокойно, не обращая внимания на град пуль. Преодолев середину реки, лодки стали приближаться к берегу. И вот тут у гитлеровцев нервы не выдержали и они открыли бешеный огонь по переправе из орудий разных калибров. Я едва успевал засекают их координаты. Лодки же благополучно достигли берега. 12 солдат захватили на нем плацдарм и закрепились. Наша батарея подавила огневые точки врага, перенесла огонь в глубь обороны противника. И началось всеобщее форсирование реки Свирь нашими войсками. Все 12 солдат, захвативших таким способом плацдарм, были представлены к присвоению звания Героя Советского Союза, среди них наш земляк Иван Степанович Зажигин.

А второй необычный случай произошел в центре Берлина, когда мы всего в метрах 400 от рейхстага окопались в парке Тиргартен. Я развернул карту и занимался своим делом. Оглянувшись назад и вижу: поблизости рыскает полосатый тигр и другие голодные хищные звери, выпущенные кем-то из клеток зоопарка на волю. Откуда же ожидать большую опасность, думал я, пулю снайпера из рейхстага, которая разит наповал, или с тыла тигр набросится на тебя и съест. Но вот что интересно: ни один наш солдат не сделал ни одного выстрела по хищным зверям, потому что ясно сознавал, тигры и львы — это мелочь, а главный зверь впереди, в рейхстаге».

После службы в Советской Армии Б. В. Кудрявцев работал на ЧТЗ, без отрыва от производства окончил Челябинский политехнический институт, находился на партийной и советской работе и

никогда не расставался с фотоаппаратом. В настоящее время, заменяв девятый десяток лет, он является видеофотокорреспондентом городского совета ветеранов. Участвует во всех ветеранских мероприятиях, создавая видеофотолетопись о поколении челябинцев — участниках и свидетелях Великой Отечественной войны

ФРОНТОВИК УРАЛЬСКОЙ ЗАКАЛКИ

Ромашов Дмитрий Иванович родился 30 октября 1922 года в селе Огневское Каслинского района. В 1940 году окончил 10 классов с отличием и без экзаменов его обещали зачислить в Казанский авиастроительный институт. Но обстановка на границе Дальнего Востока в тот период складывалась напряженной, пополнялся же Дальневосточный военный округ парнями из рабочих районов Урала, призывниками, считавшимися наиболее достойными и пригодными для военной службы. Поэтому Д. И. Ромашова призвали в Красную армию, вскоре он оказался на границе с Маньчжурией, в районе Благовещенска. Стрелковая часть, в которой он начал службу стояла вблизи Амура, а на противоположном берегу его хозяйничали японцы. «Вели себя японцы по отношению к нам нахально, — вспоминал Д. И. Ромашов. — У нас 7 ноября — большой праздник, а они в этот день на своем берегу устраивают шумные оргии, выставляют оскорбительные для СССР лозунги. Старослужащие нам рассказывали, как однажды с японского берега прилетел артиллерийский снаряд, ударился в деревянную стену казармы, застрял в ней и не разорвался. Бывали случаи, когда японцы по льду Амура переползали на советскую сторону и воровали наших пограничников. Все мы находились в постоянной боевой готовности, ожидая конфликта с японцами. Но неожиданно в июне 1941 года в нашу воинскую часть пришел приказ — красноармейцев, имеющих среднее образование, направить на учебу в Рязанское военное училище дальнобойной артиллерии. Я попал в их число. Нас погрузили в эшелон. И вновь замелькали за окном вагона бескрайние просторы России: степи, дремучие леса, горы, гордый и величавый Байкал. Железная дорога вдоль Байкала пролегла через множество тоннелей, пробитых в горах, а иногда шла буквально по кромке озера. На остановках мы успевали добежать до воды и попробовать ее на вкус. Здесь, в пути, мы получили тревожное

известие о нападении на СССР фашистской Германии, и нам стало понятно, почему нас срочно перебрасывают на запад».

Учеба в Рязанском училище проходила по плотной программе. Когда же немцы приблизились к Москве, было принято решение эвакуировать училище в Ташкент. Но судьба вновь распорядилась так, что курсантам не суждено было встретиться с солнечным Узбекистаном. В Куйбышеве их построили возле вагонов, и объявили приказ о присвоении каждому звание младшего лейтенанта, и вручили направление на фронт. Д. И. Ромашову досталась должность командира огневого взвода бронепоезда.

«Я во взводе оказался один двадцатилетним, всем остальным было за тридцать, – продолжал рассказ Д. И. Ромашов. – Наш бронепоезд, построенный в локомотивном депо Челябинска, по праву называли крепостью на колесах. Сам паровоз прикрывала магнитогорская броня толщиной в 45 миллиметров. На тендере паровоза стоял крупнокалиберный зенитный пулемет. Две бронеплощадки (спецагоны) шли впереди и две – сзади паровоза. На каждой из них под вращающимися башнями находились 76-миллиметровые артиллерийские орудия и спаренные пулеметы. За бронеплощадками шли платформы с бронированными бортами и открытым верхом. На передней из них размещались две зенитные пушки и пулеметы, на последней – две реактивные установки (катюши) и наконец – впереди и сзади бронепоезда шли вспомогательные платформы, на них размещались запасные рельсы, шпалы, инструмент, а также запас снарядов для подрыва мостов и переходов.

Работали мы только ночью. Неожиданно для врага наносили удары по заданным целям и уходили в укрытие. Однажды рано утром в районе Сталинграда немец нас обнаружил. На бронепоезд, как воронье, налетели два десятка самолетов с белыми крестами на крыльях. Заработали наши зенитчики. Вражеские бомбы стали рваться слева, справа. Казалось, что вот-вот сейчас наступит нам конец. Все почернело вокруг от дыма и поднятой вверх земли. Видимость стала нулевой. Это и спасло нас. Когда дым и гарь рассеялись, самолетов в небе уже не было. В этот день товарищи приняли меня в члены ВКП(б). В дальнейших боях я участвовал уже коммунистом. Зимой в бронепоезде царил злой мороз, летом – нестерпимая жара. Но мы исправно несли службу.

В марте 1944 года развернулись тяжелые бои в районе Гомеля на реке Березине. От державшего там оборону краснознаменного

стрелкового полка осталось несколько десятков бойцов. На помощь им подтянули наш бронепоезд.

Мы остановились в трех километрах от Березины и приготовились для ведения огня с закрытых позиций. Я с отделением разведчиков покинул бронепоезд и выдвинулся на запасной командный пункт полка, чтобы определить дальность, уровень и другие исходные данные для стрельбы. Шел густой снег. Видимости никакой. Но к утру снегопад прекратился и стал хорошо просматриваться противоположный берег Березины, занятый врагом. Через стереотрубу были видны вражеские траншеи и большое количество гитлеровцев. Вскоре у гитлеровцев появилось сразу пять полевых кухонь, вокруг их с котелками толпились солдаты. Я по рации передал на бронепоезд исходные данные. Бронепоезд дал только два залпа. Позиция врага покрылась разрывами снарядов и сполохами огня. Поле, только что сиявшее белизной свежеснеженного снега, стало похожим на только что вспаханную пашню. А на поле – труп на трупе – валялись оккупанты. Выглянуло солнышко. Вероятно, противник засек блик от нашей стереотрубы. И, не жалея снарядов, нанес ответный удар по наблюдательному пункту. В результате чего половина моего отделения разведчиков погибла. Я же полдня пролежал в снегу раненым, пока не вытащили меня из-под огня санитары. В госпитале врачи насчитали во мне восемь осколков, два удалили, а шесть – не решились трогать, до сих пор я живу с ними. К дальнейшей службе в армии меня признали негодным и направили в тыл служить в органах НКВД. Так я попал на строительство Челябинского металлургического завода и принял должность заместителя начальника лагеря военнопленных немцев по режиму и охране. Военнопленные жили в бараках, спали на двухъярусных нарах, на работу ходили строем, их офицеры согласно международной конвенции к физическому труду не привлекались. Все военнопленные ежемесячно проходили медосмотр. Дистрофики переводились на легкую работу и откармливались усиленным питанием. Питание военнопленных было организовано по международным нормам. Мы, офицеры, своему ребенку не могли конфетку раздобыть, а военнопленным и жиры, и сахар полагались. В то время повсюду в ходу были плакаты с изображением женщины-матери с надписью: «Убей немца». А у нас в лагере действовала строгая директива: «Немца пальцем не трожь!» А это воспринималось непросто, когда в тебе шесть осколков сидело.

Среди военнопленных были эсэсовцы и гестаповцы, которые пытали и расстреливали советских людей. Внутренняя служба проводила работу по выявлению подобных преступников.

В конце войны в Челябинском металлургском лагере стали прибывать из разных стран Европы интернированные граждане, лояльно относившиеся к немецким оккупантам. Их привозили в товарных вагонах. Некоторые иностранцы, несмотря на запрет, приезжали с детьми. «Да, да это так, – включилась в разговор Лидия Васильевна, жена Д. И. Ромашова, и продолжала, – однажды я наблюдала, как в бараке интернированных женщина гладила выстиранное белье, а ее сын, мальчик лет семи, старательно помогал ей. Нельзя было не удивляться тому, что такой малыш, а как ловко его научили работать родители. В Челябинском металлургском лагере мне, как военнообязанной, поручили заведовать лагерной аптекой. Лекарств в аптеке было целый вагон, поэтому в помощь мне выделили интернированную девушку из Польши. Со своими обязанностями она справлялась прекрасно. В свободное время делала мне прическу по западной моде. После войны интернированных стали партиями отправлять на их родину. И после каждой отправки моя помощница горько плакала оттого, что кто-то уезжает, а она нет. Я походатайствовала за нее перед начальством, и она уехала.

В День Победы военнопленных всех национальностей построили и объявили им об окончании войны. Кто-то радостно зааплодировал, а кто-то заплакал, причитая: «Германии теперь нет и некому будет за военнопленных заступиться, наверняка нас увезут еще дальше в Сибирь».

После ликвидации лагерей военнопленных Д. И. Ромашов служил в УВД Челябинской области. В 1970 году уволился в запас в звании полковника. И еще 18 лет проработал начальником 1-го отдела облисполкома. Вместе с Лидией Васильевной они воспитали двух сыновей, один из них окончил Челябинское танковое училище, другой – Челябинское военное автомобильное училище. Подрастают четыре внука и два правнука. Дмитрий Иванович занимается садоводством. Участвует в работе ветеранской организации, аккуратно выполняет поручения совета ветеранов УВД. В ближайшее время мечтает подлечиться на курорте. «Вот только на курорт надо лететь на самолете, – пояснил Д. И. Ромашов, – а у меня с самолетами теперь проблемы. При прохождении на посадку, на контроле, осколки войны, сидящие во мне, так звенят, что создают переполох среди работников аэропорта, а для меня большие неудобства. Но когда самолет отрывается от земли и сверху я вижу

панораму Metallургического комбината и района, гордость охватывает меня за принадлежность к поколению южноуральцев, внесших гигантский вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков и в укрепление могущества советской державы.»

Дмитрий Иванович перевернул листок календаря на своем рабочем столе и, указывая на дату красного цвета 23 февраля, многозначительно произнес: «Это самый главный мой праздник, я ведь в Красной Армии с 1940 года.

ГИБЕЛЬ БАТАРЕИ ПАНОВА

У Пузачей всю ночь не смолкали бои. А утром на рассвете взору челябинцев предстали вражеские колонны, сплошным потокомдвигающиеся по дороге на Кузькино. Артиллеристы и танки бригады встретили их огнем. Вначале удача сопутствовала челябинцам. Снаряды рвались прямо в колоннах врага, нанося ему большой урон. Но враг смыкал свои ряды и, поливая свинцом защитников Пузачей, шел напролом. Получил ранение и вышел из боя командир танкового батальона Янкевич. Командование батальоном принял на себя Щеглов. Заклинило башни вначале у одного танка, затем у другого. Заканчивалось горючее. Танкисты Алексей Коврига и Павел Рябчик, командир отделения связи старшина Шангин, старший сержант Василий Кряжев, красноармеец Мефодий Матковский перетаскивали оставшиеся в танках снаряды к батарее и вместе с артиллеристами продолжали бой.

Первым погиб командир орудия Павел Шпак. За ним упали сраженные автоматной очередью заряжающий Федор Худушин и санинструктор Николай Филиппов. К орудию встали сам командир батареи капитан Панов и лейтенант А. Комков. Подносчики подавали снаряды с пулевой и стержневой картечью. Эти снаряды при помощи дистанционного устройства взрывались на заданном расстоянии и буквально косили противника. Немцы же, вероятно, решив сковать силы бригады в районе Пузачей, чтоб вывести основные силы к железной дороге, усиливали свой натиск. Заполит батареи Олимпиев, перебегая от одного орудия к другому, попал под огонь и был перерезан пулеметной очередью.

– Напишите родным! – только и успел он крикнуть товарищам.

Командира взвода Якова Полтораднева тяжелораненым успели отправить в Пузачанские дворики. Другой командир взвода

лейтенант Павел Кичев, получив ранение в грудь, отправиться в санчасть отказался.

– Умирать буду вместе с вами, ребята, – решил он.

Экономя снаряды, сержант Гомырев старательно, не торопясь, наводил свое орудие по скоплениям противника и бил наверняка. Но и его достала вражеская пуля. Упал, как подкошенный, Алексей Комков, чем-то тяжелым его ударило по ногам. Перевязать раны ему было нечем, все бинты уже давно использовали. Перевязали ему левую ногу полотенцем, чтоб хотя бы как-то остановить кровотечение. Кто-то из танкистов и шофер второго орудия потащили его на плащ-палатке, но уже через несколько десятков метров шофер тоже получил ранение. Тащить А. Комкова стало не под силу. И тогда танкист решил вначале сопроводить шофера в Лобовые Дворы и вернуться обратно с салазками. Село же это оказалось занято немцами, и оба солдата погибли. А. Комков лежал в снегу и медленно замерзал. Ночью нашел его санинструктор минометной роты, перетащил в овраг, сходил в Лобовые Дворы, которые вновь были освобождены, и вернулся с помощниками. Обмороженного, потерявшего много крови, А. Комкова доставили в полевой госпиталь села Дмитровка, где его вернули к жизни, но ногу ему пришлось ампутировать.

Положение в районе Пузачей осложнялось. Горели крайние хаты, где вчера располагались танкисты и автоматчики. Горели танки. Немцы обходили батарею с флангов. К концу дня в батарее осталось исправным лишь одно орудие. Кончились снаряды. Артиллеристы капитана Панова и старшего лейтенанта Кабанова отбивались отседающего противника стрелковым оружием, и все погибли в неравном бою.

На окраине села целые сутки сдерживали наступление врага разведчики лейтенанта Куца и тоже несли потери. Один за другим погибли Сотников, Крашенинников, Бренер, погиб и лейтенант Куц.

Единственный оставшийся на ходу танк Щеглова с надписью на башне «За Родину» носился по Пузачам, помогая своим огнем сдерживать противника на более напряженных участках обороны. Боезапас экипаж пополнял путем перегрузки снарядов из подбитых танков, сливал из их баков горючее и снова шел в бой, пока не бросил кто-то из фашистов под его гусеницу гранату. Механик-водитель Р. Копсергенов через нижний люк выбрался наружу, под

огнем противника сумел устранить неисправность, удалив разбитый каток, и вновь бросил свой танк на врага. Но поскольку левая гусеница стала короче, танк двигался теперь по кругу. Товарищи называли его маршрут «огненными кругами». Лишь когда закончилось горючее, танк Щеглова остановился, но продолжал обстреливать врага из пулемета с места.

Там, где находился лазарет, размещавшийся в конюшнях, теперь тлели последние головешки, черный дым столбом поднимался над селением. Обороняли лазарет санитары и политработники. Спасти раненых не удалось. От разорвавшихся мин загорелась соломенная кровля конюшни. Помощник начальника политотдела по комсомолу И. А. Бабкин и политрук взвода разведки Казинец поднялась на крышу и с помощью длинных жердей пытались столкнуть вниз горящую солому, но были оба поражены противником. Казинец раненым скатился вниз и упал в снег, а И. А. Бабкин дополз до сарая и на руках товарищей умер. Спасая раненых, погибли Аня Суханова, девушка из авиагородка, и Варя Карюкина. Пытался прийти на помощь раненым парторг мотострелкового батальона старший лейтенант Владимир Колсанов. Но пуля пробила его грудь. Он упал, вытащил из кобуры пистолет, пополз вперед. Вторая пуля попала ему в голову. После войны жители села Пузачи вносили предложение переименовать свое село в село Бабкино. А в Челябинске возле Дворца культуры имени Коллющенко В. Колсанову был поставлен памятный монумент.

Более суток находился в окружении дом, в котором располагался штаб бригады. Комбриг В. Г. Лебедев, замполит И. Ф. Захаренко, начальник политотдела В. В. Кропотов, помощник комбрига по технической части Н. Н. Соловьев, начальник связи Галактионов, то есть весь состав бригады, с автоматами и винтовками залегли вместе с бойцами в цепь.

Ночью комбриг принял решение, спасая знамя части, пробиваться к своим. Прикрываемые танком Щеглова, уходили в громяющую ночь командиры и бойцы. Упал смертельно раненный полковник Н. Н. Соловьев, погиб отважный разведчик Михаил Мережников, погибли раненые, погибли многие добровольцы бригады, но знамя части было спасено.

Оставшийся в живых комсорг танкового батальона Александр Каланов вспоминал: «После боев под Пузачами, когда стало возможным полностью разобраться в обстановке, выяснилось, что

немцы окружили нашу бригаду в районе села, а подошедшая стрелковая дивизия окружила немцев, и получился огненный слоеный пирог, в котором, по подсчетам председателя местного колхоза, производившего уборку и захоронение трупов, только в Пузачах нашли свой конец 5328 гитлеровцев, еще 3251 – сдались в плен».

ВETERАН ВОЙНЫ

Трофимов Сергей Михайлович родился 4 сентября 1916 года в Миасском заводе. Несмотря на прожитые годы он помнит многие эпизоды Гражданской войны на Урале, в том числе как хозяйничали в Миассе белочехи, как прятались миассцы в погребках при артобстрелах. В 1937 году после окончания Курганского сельхозтехникума его призвали в РККА. В Челябинске в Красных казармах он окончил полковую школу и продолжал военную службу в должности командира отделения. Во время Финской кампании строил подъездные пути для войск в районе Онежской губы. Затем участвовал в освободительном походе в Прибалтике. «Военных действий там не было, горячих встреч тоже, – вспоминал он об этом периоде. – Президент Литвы А. Сметона сразу же сбежал в Германию, а вот население относилось к нам вполне доброжелательно.»

В 1940 году С. М. Трофимов вернулся домой. Несколько месяцев успел поработать зоотехником, как разразилась Великая Отечественная война. Он вновь надел серую шинель красноармейца и принял боевое крещение на Западном фронте километрах в 20 от Тулы. «Там несколько дней шли бои за безымянную деревушку вблизи знаменитой Ясной Поляны, – рассказывал он. – От деревушки уже ничего не осталось, кроме головешек, но каждый раз пехоту, поднимавшуюся в атаку, враг встречал сильным пулеметным огнем, и в нашей хорошо натопленной землянке освобождались все новые и новые места. «Он нас здесь всех перебьет!» – высказывали с тревогой предположение бойцы.

– Трофимов, к командиру! – услышал я знакомый голос посыльного по штабу. Командир, кивнув головой в сторону деревушки, сказал мне:

– Летчики сегодня неплохо поработали, но один дот в деревушке уцелел. Твоя задача ночью выдвинуться с оружием как можно ближе к этому доту, а на рассвете уничтожить его.

Мы смастерили приспособление, что-то вроде лыж, установили на него свою 45-миллиметровую пушку, впрягли лошадку и, дождавшись темноты, двинулись на позицию. Весна только начала вступать в свои права, снег еще не растаял, но накануне танки избороздили все поле, перемешав снег с землей. Лошадка с трудом двигалась вперед. Мы, орудийная прислуга, помогали ей. И вдруг она, вздрогнув, остановилась и упала сраженная наповал. «Попали под снайпера», – подумал я. Но больше выстрелов не последовало. Дальше пушку мы тащили на себе. Установили ее в большой воронке от снаряда, замаскировали и стали ждать рассвета.

Утром враг первым заподозрил что-то неладное и начал обстрел в нашу сторону. Заговорил пулемет из амбразуры дота. Дот располагался в метрах ста пятидесяти на возвышенности и был хорошо виден. После первого же выстрела нашей пушки его пулемет замолчал. Но мы продолжали вести по доту огонь. В момент, когда был подан очередной снаряд, неожиданно я почувствовал сильный удар по руке. Увидел кровь. Понял, что ранен. В медсанбате, куда я вышел из боя самостоятельно, мне сказали, что дот уничтожен, а поднявшаяся в атаку пехота наконец-то овладела деревушкой.

После пребывания в госпитале меня зачислили в Отдельный артиллерийско-пулеметный батальон и направили вначале на Карельский фронт, а потом, в мае 1943 года, перебросили за Воронеж для пополнения 11-й гвардейской моторизованной бригады. 31 июля, разместив батальон на танках, нас доставили в район села Томаровки, где мы заняли оборону. Враг постоянно обстреливал наши позиции. Его самолеты наносили удары с воздуха, но не всегда безнаказанно. Их встречал трассирующими очередями спаренный пулемет соседнего взвода. Один самолет загорелся. От него отделилась черная точка, это летчик покинул свою машину, раскрыл парашют. Но купол парашюта почему-то тоже вспыхнул ярким пламенем, и летчик рухнул на нейтральную полосу.

Позднее этот период боев историки назовут подготовкой к контрнаступлению советских войск на Южном фланге Орловско-Курской дуги, которое началось артподготовкой 3 августа 1943 года. В этот же день со стороны Томаровки немецкие танки атаковали наш батальон. Их было штук десять. За ними, прикрываясь броней, двигалась пехота. Огонь велся с обеих сторон. Выстрелы слились в сплошном треске. В моем отделении насчитывалось семь автоматов и два противотанковых ружья – это было сильным оружием. Но

протиивостоять десяти танкам?.. И вдруг на поле боя стремительно врываются наши «тридцатьчетверки», по численности значительно превосходящие немецкие. Они буквально сминают противника. Вражеские танки отступают. «Тридцатьчетверки» преследуют их. Пехота врага разбежалась. На поле остаются гореть, испуская клубы черного дыма, несколько танков, среди них советских машин нет. Разгром врага полный. Странное чувство ликования охватывает меня. Испытать же радость победителя в полной мере я не успел. Сзади разорвался снаряд. И опять, словно палкой, меня сильно кто-то ударил по бедру. Ранение оказалось серьезным. После госпиталя инвалидом я возвратился домой к родителям.»

А дома, в сельской местности, не хватало специалистов, и поэтому, не окрепнув после ранения, опираясь на палочку, С. М. Трофимов сразу же вышел на работу по своей прежней специальности зоотехника. После выхода на пенсию он работал на Челябинском заводе тракторных трансмиссий, неоднократно избирался членом и секретарем парткома завода. И всегда в свободное время писал стихи. Он автор десяти поэтических сборников. В них Сергей Михайлович выразил свою радость победных дней, боль и тревогу за современную жизнь. Главная его тема в стихах — сельские мотивы.

Разве плохо жить в деревне, милые друзья?

Слушать в роще на рассвете пенье соловья?

Написал он в своем блокноте после возвращения с фронта. Но совсем другие мотивы звучат в его стихах в настоящее время:

Сколько лет тебя не видел,
сердцу милое село,
и признаюсь, не поверил,
что травой ты заросло.
Надо думать президенту,
как с деревней быть сейчас.
Ваше скромное молчанье
беспокоит очень нас.

По-крестьянски, точно и правдиво, отзывается он на все нововведения в стране:

Вот так номер отмочила
наша Дума вновь, друзья,
в ярой злобе отменила
светлый праздник Октября.

4 сентября 2006 года Сергею Михайловичу исполнилось 90 лет. Поздравить с этой датой его пришли представители Областного и районного комитетов ветеранов войны, боевых действий и военной службы С. А. Смолин и А. Л. Николаев. От имени П. И. Сумина они вручили юбиляру почетную грамоту губернатора и большой букет цветов. Редакция «Ветеранского вестника» присоединилась к их поздравлению и пожелала Сергею Михайловичу крепкого здоровья и дальнейших успехов.

СОЛДАТ ВСЕГДА СОЛДАТ

Похоронку Почекутовым в далекое сибирское село Владимировка доставили в конце 1942 года, она извещала о том, что глава семейства Степан Иосипович геройски погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками, защищая социалистическое отечество. Изба Почекутовых наполнилась односельчанами, пришедшими выразить свое соболезнование и по русскому обычаю помянуть погибшего земляка- солдата. Сын Степана Алексей ушел в огород и, уединившись, проплакал там всю ночь. Гнев и ненависть к захватчикам переполняли его сердце. И он сам себе поклялся непременно отомстить за смерть отца. В 1943 году, когда Алексею едва исполнилось 16 лет, он обратился в военкомат с просьбой призвать его на фронт. В военкомате ему ответили: «Пока рано. Досрочно мы призываем только комсомольцев». А. С. Почекутов зашел в райком комсомола, там его выслушали, проголосовали и приняли в ряды ВЛКСМ. Военком посмотрел его новенький комсомольский билет и сказал: «Ну что ж, сынок, иди домой, мы пришлем тебе повестку».

Почекутов А. С. попал служить в артиллерию. Вскоре стал одним из лучших на батарее наводчиков 76-миллиметрового орудия. И однажды в бою на территории Польши едва не разделил участь своего отца. «Вражеский снаряд разорвался в метрах пятнадцати, — рассказывал он. — Пушку перевернуло. Передо мной вдруг образовалась темнота. В себя пришел, когда меня тащили на плащ-палатке в укрытие. Я все видел, что делается вокруг, все понимал, а сказать не мог ни слова. И долго после этой контузии заикался. Но врач-хирург вселил в меня уверенность: «Ты еще молодой, со

временем все пройдет». А «старички»-артиллеристы уверяли, что от этого недуга можно избавиться новым испугом.

За 9 дней до окончания войны с Германией нас по тревоге погрузили в эшелон и повезли на восток. Куда? Мы не знали. Проехали через всю Европейскую часть России, восторгались красотами Урала, бескрайними степями и лесами Сибири. За Иркутском поезд почти целый день шел по кромке берега Байкала, преодолевая многочисленные, пробитые в горах тоннели. За Читой поезд замедлил ход, паровоз подал пронзительный гудок, все бросились к открытой двери вагона. И я увидел гигантский профиль И. В. Сталина, вырубленный в скале высотой с четырехэтажный дом. Потом мне рассказали, что этот памятник И. В. Сталину – дело рук двух рабочих из числа заключенных, которые в 30-е годы прокладывали здесь вторую колею Трансиба. За что позднее получили досрочное освобождение. К сожалению, этот памятник взорвали в конце 50-х годов по распоряжению Н.С. Хрущева.

Конечным пунктом нашего пути оказалась станция Филаретовка в Приморье, сюда же прибывали другие воинские эшелоны с запада. Здесь мы усиленно занимались боевой подготовкой. Командиры постоянно напоминали: «Трудно в ученье – легко в бою». А политработники разъясняли, что, вероятно, нам придется освободить братский коммунистический Китай от японской агрессии. Вечером с 8 на 9 августа мы оказались в двухстах метрах от границы. Услышали отдельные выстрелы, это пограничники ликвидировали пограничные пикеты японцев. Потом после артподготовки и авиаударов с воздуха через границу рванулись танки, артиллерия и пехота. Сильные бои развернулись за город Муданьцзян. Вначале наше командование, чтобы сохранить город от разрушений, выбросило десант на 400 автомобилях типа «Виллис» с пулеметами. Преодолев реку по понтонному мосту, десантники захватили город. Но не удержали его. Японцы подтянули резервы и вновь овладели городом. Тогда на огневые позиции вышли катюши и тяжелая артиллерия. Они и решили исход сражения.

В период тех боев наша батарея попала под сильный артоналет и бомбовые удары. Я, следуя наставлениям командиров, помнил, что бомба или снаряд никогда не попадает в одно и то же место, залег в только что образовавшуюся воронку и всем телом прижался к земле. Земля вздрагивала от разрывов, как живая. И я почувствовал, что в моем организме что-то происходит. А когда налет закончился,

я обнаружил, что стал заикаться меньше, а вскоре от этого недуга совсем избавился.

3 сентября за Харбином нашей колонне путь перекрыл танковый корпус. Мы остановились. И вдруг вверх полетели ракеты, началась пальба и раздались крики: «Война закончилась! Ура!» На другой день состоялся митинг по случаю победы над милитаристской Японией. На обед выдали каждому по 100 граммов. Я молодой был. Не пил. Свою порцию «старичкам» отдавал. Все оружие и снаряжение мы передали братскому Китаю и своим ходом возвратились в Россию.»

В живописном месте Дальнего Востока, на берегу бухты Ольга А. С. Почкутов продолжал службу в должности старшины артиллерийской батареи. Как отличник боевой и политической подготовки, был на приеме у командующего 2-м Дальневосточным фронтом М. А. Пуркаева. Уволился в запас в звании старшины в 1952 году. Приехал в Челябинск. Работал в коксохимпроизводстве металлургического завода. Возглавлял бригаду коммунистического труда. Избирался председателем цехкома и завкома профсоюзов. Какую бы работу он не выполнял, в нем чувствовалась хватка фронтовика, воина-дальневосточника.

«В сентябре 1980 года, – вспоминал он, – я прибыл на заседание завкома минут на 30 раньше. Зашел к заместителю председателя Шкодину, потом перешел в кабинет Л. В. Федосеева. Сидим с ним, обсуждаем повестку дня. И вдруг в соседнем кабинете раздался выстрел. Я вышел в коридор. Вижу Шкодин идет, опираясь о стенку, на груди его кровь. Обессилев, он падает на пол. Оказывается, в его кабинет вошел бандит с натянутым на лицо чулком и потребовал профсоюзные деньги. Шкодин, конечно же, ему деньги не отдал. И бандит разрядил в него пистолет. Вышел из кабинета, а в коридоре ему встретился корреспондент «Челябинского металлурга», бандит и в него выстрелил почти в упор, выскочил на улицу и побежал. Мы с Лисиным бросились за ним. Я был помоложе, стал догонять грабителя. Он обернулся, вскинул пистолет. Я, как учили нас в армии, стал «качать маятник» – менять направление. Он выстрелил и промахнулся. Вновь побежал. Нам в помощь появилась автомашина «Волга». Бандит бросил ей под колеса гранату. «Волга» свернула налево. Вторую гранату бандит бросил в нашу сторону, но она, задымив, не взорвалась. Подбегая ко Дворцу культуры, бандит с ходу пытался преодолеть забор. Но я схватил

валявшееся в траве березовое полено и сильно ударил им бандита по спине. Он упал. Мы с Лисиным схватили его за руки, отобрали пистолет, патроны, из карманов изъяли 5 самодельных гранат. Привели к завкому. А там нас уже встречает милиция. Бандиту надели наручники, усадили в машину. Нас пригласили в другую машину, и мы до вечера давали в милиции объяснения о произошедшем. Шкодин от полученного ранения скончался. Корреспондента в тяжелом состоянии увезли в больницу. Заседание завкома в этот день не состоялось. А на следующем заседании мне сообщили, что за поимку вооруженного бандита меня представили к награде медалью «За отличную службу по охране общественного порядка» и вручили бесплатную путевку на 28 дней в знаменитый курорт «Карловы Вары».

Выйдя в 1982 году на пенсию, Алексей Степанович с большим желанием включился в работу ветеранской организации. Свое 80-летие он встречал в должности заместителя председателя комитета ветеранов войны и военной службы Курчатовского района, продолжая на этом посту службу, как подобает солдату Отечества.

С ГОРДОСТЬЮ И ГОРЕЧЬЮ

Савченко Александр Андреевич родился в 1925 году, с детства проявлял интерес к технике. На службу в Красную Армию его призвали 2 января 1943 года с третьего курса Златоустовского машиностроительного техникума и зачислили в воздушно-десантные войска. Но в конце 1944 года воздушно-десантные соединения расформировали, они послужили основой новой 9-й стрелковой армии. В результате реорганизации А.П. Савченко оказался в гвардейском истребительном артдивизионе наводчиком 76-миллиметрового орудия. Ровно через год после окружения гитлеровцев под Сталинградом был учрежден новый праздник День артиллерии. В артдивизионе этот праздник был отмечен учебными артиллерийскими стрельбами, в ходе которых наводчик А.А. Савченко удивил своих командиров умелыми действиями прирожденного артиллериста и поэтому по итогам стрельб был назначен командиром орудия с присвоением звания младшего сержанта.

«15 марта 1945 года,- вспоминал А.А. Савченко,- наш артдивизион занимал позиции у озера Балатон в Венгрии. 16 марта после

двухчасовой артподготовки мы пошли в наступление. Вначале немцы сильного сопротивления не оказывали. Они отошли на гряды холмов и там закрепились. Мне дали задание поддержать пехоту «огнем и колесами», это означало, что наступая, мы свое орудие должны были вручную затащить на вершину горной гряды. В помощь мне дали еще 7 человек. Упираясь ногами в каменистый грунт мы, выбиваясь из последних сил, тянули, толкали свою пушку. И вот, наконец, после крутого подъема она выкатилась на сравнительно ровную площадку вершины холма. Перед нами открылся замечательный обзор сверху. Почти сразу мы повели огонь по противнику, меткими выстрелами одну за другой уничтожили две огневые точки врага. Неожиданно из леса выехал немецкий бронетранспортер. Командир его, по-видимому, увидев на вершине холма нашу пушку, чтобы спасти свою машину, пытался укрыть ее в лесном массиве, но бронетранспортер уже взял на прицел наш наводчик. Я командовал: «Фугасным снарядом огонь!» На броне бронетранспортера сверкнула яркая вспышка. Одного попадания снаряда для таких типов машин было достаточно. Бронетранспортер остановился, его экипаж разбежался. Для верности мы сделали по нему еще два выстрела. Наша пехота поднялась во весь рост и с криком ура бросилась на врага, прорвала его оборону и начала преследование противника. Мы покатали свою пушку на новую позицию. К вечеру железнодорожная станция Бадайка была взята нашими передовыми частями. Мне вручили за этот бой медаль «За отвагу». С этого момента немцы только отступали, а мы преследовали их до столицы Австрии Вены. Все мы были пропитаны тогда победным духом красной армии освободительницы, и дорожили честью советского солдата. Так оно и было в действительности во всех наших частях и подразделениях. За разгром одиннадцати вражеских дивизий всем бойцам, командирам и политработникам 9-й армии Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин объявил благодарность. Я храню эту благодарность как самую дорогую свою реликвию»

После войны А.А. Савченко возвратился в Златоуст, с отличием окончил техникум, продолжил учебу в Челябинском машиностроительном институте, был сталинским стипендиатом, окончил институт с красным дипломом и 44 года проработал на Челябинском радиозаводе. О своем заводе он рассказывает и с гордостью и с горечью: «Наш завод был связан с 450-ю заводами России. Мы

участвовали в создании космического корабля «Буран». Изготавливали важнейшую его часть, аппаратуру системы взлета и посадки. Но главной продукцией нашего завода всегда являлась аппаратура взлета и посадки для самолетов Аэрофлота и ВВС России. Теперь зарубежные господа душат наш Аэрофлот. А наше правительство закупает самолеты за рубежом вместе с зарубежной системой управления. Для нашего завода это большая трагедия. Без строительства новых самолетов, наш завод становится, как бы ни нужным. Завод гибнет».

Эта тревога Александра Андреевича не беспочвенна. Проходя вдоль завода со стороны лесопарковой зоны, мы увидели, как вся кирпичная стена крайнего цеха от первой до последней оси отсутствует. Обрушилась ли она от ветхости или обрушили ее специально неизвестно. У завода по-прежнему есть свои секреты. Но космические программы заводом отложены и, вероятно, надолго.

ПО ВЕЛЕНИЮ ДОЛГА И ЧЕСТИ

После освобождения Белоруссии в лесах под Бобруйском оказалось много разрозненных немецких групп. Для ликвидации их бросили артиллеристов из 2-го эшелона. Развернувшись в цепь так, чтобы видно было друг друга, они прочесывали лес. Среди солдат выделялся совсем юный Иван Погорелец. Его призвали в армию в сентябре 1943 года из села Давлеканово в неполные 17 лет, когда для многих его сверстников только что начался очередной учебный год в школе. Привезли в Алма-Ату, обучили секретам артиллерийского дела и при формировании нового полка определили в батарею 76-миллиметровых орудий замковым. Через полгода И. Е. Погорелец оказался под Смоленском, а затем под Бобруйском. Может быть потому, что он был самым молодым в подразделении, командир взвода часто обращал на него внимание. И в тот день, увидев, что у рядового Погорельца неудобно висит граната на поясе, сделал ему замечание.

«У меня был автомат и две лимонки, — вспоминал Иван Ефимович, — одну лимонку я положил в сумку, а другую повесил на пояс, когда же взводный мне сделал замечание, я вытащил из нее запал и тоже положил в сумку, запал же с чекой остался висеть на

поясе. День был солнечный, в траве попадалось много черники, и я наклонился, чтобы сорвать ягоду. А когда наклонялся, чека зацепилась за ветку и выдернулась. Запал взорвался, мне перебил ремень и поцарапал лоб. Вот, думаю, если бы не взводный, разорвало бы меня сейчас на куски. Вспоминая об этом случае, хочется отметить высокую ответственность фронтовых командиров, которые заменяли нам, порой, и отца, и мать.

Немцы, оказавшиеся в лесу, находились в деморализованном состоянии и сильного сопротивления не оказывали. В тот раз мы пленили большую их группу. Среди пленных оказалось много русских из числа власовцев. Немцев отвели в одну сторону, власовцев — в другую. Имеющееся у них оружие, боеприпасы изъяли. Личные же вещи, часы, зажигалки оставались при них. Я не видел, чтобы кто-нибудь из наших позарился на их имущество, да и командиры по этому поводу нас предупреждали.

Вид у власовцев был подавленный. А немцы, вообще, напоминали мокрых кур, они жили в лесу, в контакт с населением не вступали, боялись, так как белорусы их страшно ненавидели. Изможденные, голодные питались, чем придется, грибами, ягодами; от черники с зубами черными они выглядели ну, как собаки».

О войне Иван Ефимович рассказывал просто, не спеша, как о тяжелой непрестижной работе.

«На передовой спали не раздеваясь, в сырости и холоде, портянки на себе сушили. Постельной принадлежностью являлась шинель, в лучшем случае, солома. Горячую пищу один раз в сутки получали, конечно, помимо сухарей и консервов. На ужин каждый день по сто граммов давали. Удивительно, но на фронте почему-то никто не простывал и не болел простудными заболеваниями. Многие фронтовики подтвердят сказанное. Видимо, специалистам предстоит еще объяснить, почему так происходило.

Первые залпы по врагу у артиллеристов остаются в памяти на всю жизнь. У меня это произошло при обстреле двухэтажного дома, в окнах которого немцы оборудовали огневые точки. Нам приказали их подавить. В орудийном расчете каждый выполняет свою операцию. Мое дело было открыть замок и, приняв снаряд, закрыть. Мы сделали несколько выстрелов, стена дома обвалилась, и огневые точки перестали существовать. Вот из таких маленьких эпизодов складывалась фронтовая жизнь.

Двигаясь на запад, без происшествий перешли польскую границу и с юга вступили в Восточную Пруссию. Во время штурма Кенигсберга занимали позиции в трехстах метрах от передовой линии фронта. Такие орудия, как наши 76-миллиметровые пушки, там особой роли не играли. Рядом стояли 152- и 220-миллиметровые гаубицы и вели огонь прямой наводкой по фортам крепости. Техники было много. Краснозвездные самолеты непрерывно бомбили укрепления врага; одна эскадрилья уходила, другая заходила на бомбежку. Но все-таки основная нагрузка приходилась на пехоту. Трое суток не утихал бой. Вы спрашиваете: «Бывало ли страшно?» Страх рождается вместе с человеком, не страшно только безумцу. Но под Кенигсбергом среди непрерывного грохота и треска мысли, что тебя убьют, не было, каждый делал то, что положено было делать.

После окончания штурма мы не смогли въехать со своей техникой в город, потому что он представлял собой сплошные завалы и руины, и разместившись в соседнем лесу ждали приказа, что делать дальше. Наш полк перебросили в Польшу на борьбу с бандами Николайчика.

Однажды в районе Замбурова, на польской территории, мы ехали на полковой полуторке. В кузове и в кабине свободных мест не было. Я стоял на подножке и держался за дверцу кабины. Машина быстро катилась по ровной дороге. И вдруг, на переезде, она наскочила на мину. Я не почувствовал ни малейшей физической боли, просто мгновенно наступила темнота, а когда очнулся, увидел перед собой, как в тумане, медсестру в белом халате, она что-то говорила, я же ее не слышал, сознание вновь покинуло меня. Не знаю, сколько времени находился в таком состоянии, но выжил, вылечился и меня вновь отправили в строй. Правда, в свою часть я уже не попал».

После окончания войны солдат старших возрастов демобилизовали, а молодежь продолжала служить в армии. И. Е. Погорельца направили на курсы сержантов, а затем — в учебный дивизион, расквартированный на Кавказе, где он занимался подготовкой молодых артиллеристов. Здесь же вступил в Коммунистическую партию.

«О сроках воинской службы тогда не рассуждали. Служили столько, сколько требовали интересы Отечества. А вот то, что сейчас происходит, я не могу понять, — продолжал И. Е. Пого-

релец, — появились какие-то комитеты солдатских матерей. Ну, если ты родился мужчиной, что ж ты прячешься за мамину юбку, бери автомат и защищай...» Только через семь лет, в 1950 году, получил И. Е. Погорелец приказ об увольнении в запас. Его служба в армии завершилась. И встал вопрос, как строить свою жизнь дальше, ведь надежную гражданскую специальность ему получить помешала война. После некоторых раздумий он решил приобрести ее в Челябинске на металлургическом заводе, где уже работал его младший брат.

Город Челябинск и завод встретили И. Е. Погорельца приветливо, и он сразу почувствовал себя причастным грандиозным свершениям, происходившим тогда в стране при восстановлении разрушенного войной хозяйства и организации новой, послевоенной жизни.

Первое время жил в общежитии с братом. Через месяц брата призвали в армию, а он продолжал работать вырубщиком металла. Это была тяжелая работа, которая заключалась в срубке с стального слитка дефектных участков металла вручную, простым отбойным молотком. Позднее эту технологическую операцию заменили газовой рубкой, работать стало полегче.

С 1957 года Иван Ефимович, освоив работу оператора блюминга-1100, стал выполнять одну из важнейших операций на заводе. Ведь через блюминг, как через узкое горлышко, проходили многотонные, раскаленные до красна слитки из сталеплавильных печей и агрегатов, обжимались в клетях блюминга, прокатывались, превращаясь в заготовки для различных прокатных цехов. От бесперебойной работы блюминга зависел заводской план выпуска проката.

Усталым, но довольным за конечные результаты, приходил домой после смены И. Е. Погорелец и сразу садился за учебники. Непрерывно расширяющееся и обновляющееся производство на заводе требовало от металлургов специальных знаний, поэтому в 1961 году он поступил и в 1964 году окончил Челябинский металлургический техникум.

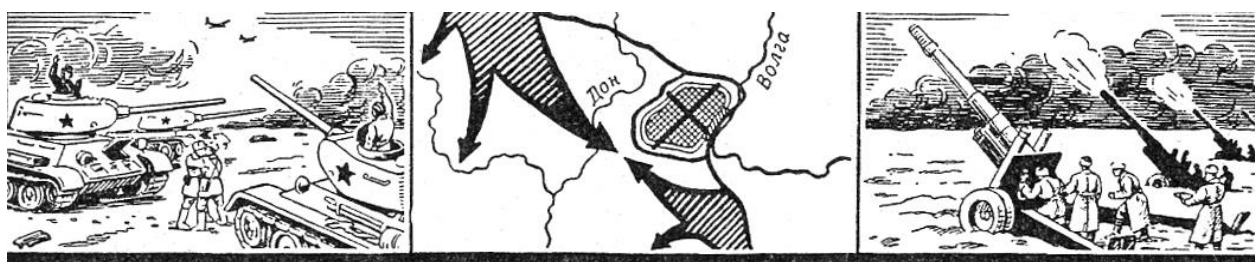
Страна в то время жила выполнением семилетнего плана, по итогам которого Челябинский металлургический завод был удостоен ордена Трудового Красного Знамени, а двум наиболее отличившимся металлургам, сталевару В. И. Зубакину и оператору И. Е. Погорельцу, присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Столь высокое звание ложилось на плечи рабочего человека большой ответственностью, но нисколько не влияло на отношения с товарищами по работе. В 1971 году И. Е. Погорельца избирают депутатом Верховного Совета СССР и делегатом XXIV съезда КПСС, в работе которых он являлся достойным представителем металлургов Челябинской области. Вскоре он становится Почетным гражданином города Челябинска.

Но напряженный труд и полученная на фронте контузия сказывались на здоровье, и в 1980 году Иван Ефимович ушел на пенсию с желанием наконец-то заняться своим здоровьем. Но ему позвонил секретарь Металлургического райкома КПСС С. Ф. Ключин, рассказал о трудностях с кадрами в технических училищах и попросил поработать с молодежью. И. Е. Погорелец расценил его просьбу как партийное поручение и еще пять лет работал мастером производственного обучения ГПТУ-37, передавая свой опыт молодым металлургам.

Начавшимися в стране, в 90-х годах, реформами Иван Ефимович не восторгался и не пожелал легкого обогащения за счет общественной собственности. Остался самим собой.

Общаясь с ним, высоким, стройным, уверенным и спокойным, нельзя отделаться от мысли, что именно о таких, как он, говорит народная мудрость: «Трудом красив и славен человек». И появляется желание снять шапку в знак признания совершенного им жизненного подвига, подвига фронтовика и гражданина.

Артиллеристы

Слова В.Гусева Муз. Т.Хренникова
(Из коллекции песен наших отцов и дедов)

Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой.
Идем мы в смертный бой за честь родной страны.
Пылают города, охваченные дымом,
гремит в седых лесах суровый бог войны.

Припев

Артиллеристы, Сталин дал приказ,
артиллеристы, зовет отчизна нас.
Из тысяч грозных батарей
за слезы наших матерей,
за нашу Родину – Огонь! Огонь!

Узнай родная мать, узнай жена, подруга,
узнай далекий дом и вся моя семья,
что бьет и жжет стальная наша вьюга,
что волю мы несем в родимые края.

Припев

Пробьет победный час, придет конец похода,
но прежде, чем уйти к домам своим родным,
в честь нашего вождя, в честь нашего народа
мы радостный салют в полночный час дадим

Припев

Содержание

Это нашей истории строки	3
Прямой наводкой	5
Десять сталинских ударов	9
Биография фронтовика	13
Командир БМ – 31\12	18
Под счастливой звездой	20
Фронтовое везение	24
Артразведчик	30
Рассказ артиллериста	32
Особые войска	36
Фронтовики верны главкому	38
Военная хитрость	41
Фронтовик уральской закалки	43
Гибель батареи Панова	47
Ветеран войны	50
Солдат всегда солдат	53
С гордостью и горечью	56
По велению долга и чести	58
Артиллеристы	63
Содержание	64

Попов Лев Алексеевич
БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
(Вспоминают ветераны г. Челябинска)
Серия 5. Артиллеристы.